

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: Ж. Тудуз «ПОХИТИТЕЛЬ ГОЛЬФШТРЕМА».

(Увлекательный роман, описывающий состояние земли после умысленно вызванного изменения Гольфштремом своего течения).

1 книга: А. Тиаден ТРЕСТ „АТЛАНТИДА“.

(Война Европы и Америки из-за поднимающейся из глубины океана Атлантиды).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:			Без приложений:		
На один месяц	—	р. — к.	На один месяц	—	р. 40 к.
„ три месяца	2	„ — „	„ три месяца	1	„ 10 „
„ шесть месяцев	3	„ 80 „	„ шесть месяцев	2	„ 20 „
„ двенадцать месяцев	7	„ — „	„ двенадцать месяцев	4	„ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лгр. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 14

1927 г.
ИЮЛЬ
31

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Мам. „Старые и новые“ (Союз молодых). — Л. Бризон. „Серебряное кольцо“. — О'Тарди. „Бунт зверей“. — К. Хайн. „Приключения капитана Кэтли“ (Побег). — Т. Дюперрон. „Лагерная жизнь“. — Лесник. „Золотая повесть“ — „Зоологический юмор“ и др.

В ПОЛНОМ СНАРЯЖЕНИИ

М
А
С
К
А

С
П
А
С
А
Е
Т

Современному бойцу винтовка служит не только штыком и пулей, но она же выбрасывает из продолговатого цилиндра ядовитые газы. Чтобы защитить себя от газового воздействия со стороны противника, нужно иметь полное противогазовое снаряжение: маску, сосуды с кислородом для дыхания и т. д. А разрывные снаряды приходится носить на шее. Словом, общий вес всего снаряжения заходит за два пуда.

Как выглядит тот же боец, находясь в атмосфере ядовитых газов, показывает наш маленький рисунок. Необходимо большая предварительная тренировка, чтобы научиться только дышать в таком противогазовом костюме.

ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И „БОЕВЫЕ ГАЗЫ“

Шла жестокая, кровопролитная мировая война... Германия, с первых же месяцев войны, окруженная со всех сторон врагами, оказалась отрезанной от многих источников сырья, без которого ей трудно было продолжать войну. Этим сырьем была для нее селитра, необходимая для изготовления пороха. Попытались было немцы получить селитру искусственным путем, но это оказалось делом чрезвычайно трудным, так как потребовалось бы очень много времени для постройки новых заводов и расширения старых. А между тем, враги Германии, государства «Антанты», решились воевать «до полной победы»; скоро окончания войны не предвиделось.

И вот, в таких-то тяжелых обстоятельствах и родилась у немцев мысль: если нельзя воздействовать на врага артиллерией в том масштабе, в каком это было нужно, то можно попробовать это сделать при помощи нового «оружия», так называемых «газов». Так началась «газовая война», очень скоро захватившая все воюющие государства.

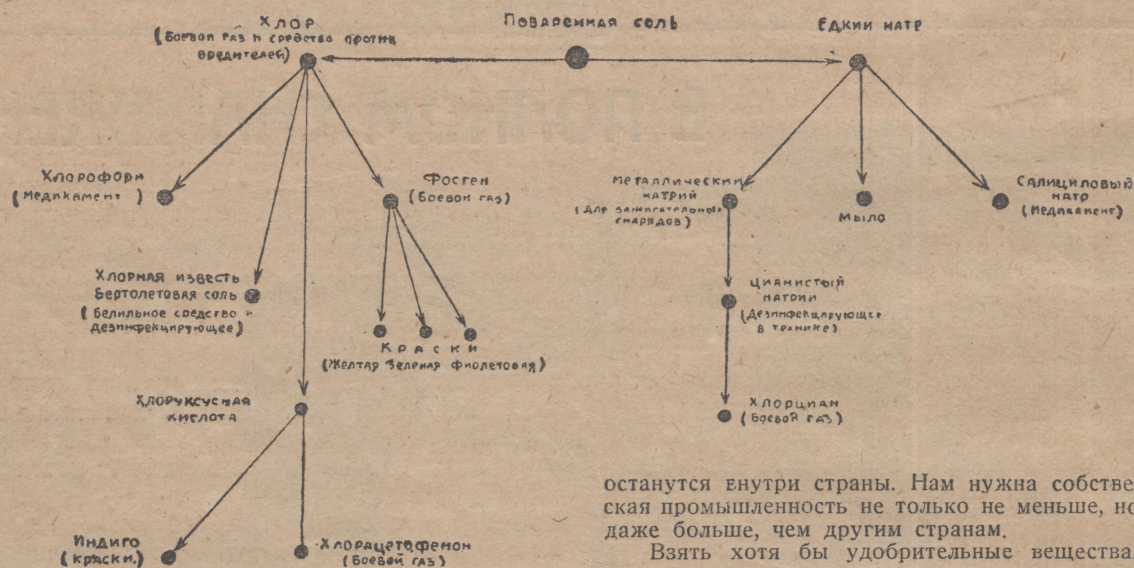
Немцам легко было начать. Германия обладала перед войной чрезвычайно развитой химической промышленностью, объединенной в могущественный трест «I. G». В этот трест входило 7 крупнейших заводов и фабрик, выделя-

хлорацетофенон, опять-таки боевой газ. Из того же хлора мы добываем фосген — CN_2 — сильное боевое отравляющее вещество.

Таким образом, для всех этих продуктов хлор является исходным материалом. И если в мирной химической промышленности, не останавливаясь на «промежуточной станции», хлоре, мы перерабатываем его и получаем целый ряд чрезвычайно ценных продуктов, то при военной обстановке химическая промышленность тотчас же переходит на «военные рельсы» и, оставляя без внимания краски и парфюмерию, начинает вырабатывать хлор, фосген, хлорацетофенон... Кончается война и картина снова меняется: газы по боку и снова — за мирную продукцию!

Таким образом, на примере хлора мы ясно видим, как тесно переплетаются между собой и мирная и военная химическая промышленность и как легко перейти от одной к другой.

Какую же пользу может получить в частности наш Союз от развития у нас химической промышленности. До войны мы, подобно французам и англичанам, покупали в Германии многие предметы химической продукции и переплачивали на этом бездну денег. А когда мы обзаведемся своими химическими фабриками и заводами, эти деньги

завших краски, лекарства, материалы для удобрения почвы, мыло и проч.

Массовое же производство боевых химических веществ не требует специальных военных заводов (напр., пушечных и оружейных), так как вещества, необходимые для химической войны, очень родственны тем, которые приготавливаются в мирное время и для мирных целей, а иногда и вполне совпадают с ними. Вот почему немцы находились в очень выгодных условиях в отношении перехода к химической войне.

Когда мировая война окончилась, газы не только не вышли из роли боевого оружия, но, наоборот, интерес к ним увеличился еще более, так как теперь для О. В. (отравляющие вещества) открылись новые горизонты в виде авиации. Авиация, сбрасывающая бомбы — оружие будущей войны.

Вернемся снова к вопросу о том огромном преимуществе, какое дает химическая промышленность страны в деле производства боевых газов.

На нашей схеме показано, что можно получить из всем нам хорошо знакомой поваренной соли, без которой мы не можем обойтись и одного дня. Путем химической реакции в заводском масштабе поваренная соль разлагается на хлор и едкий натр. И вот тут-то и начинается целый ряд «волшебных превращений».

Прежде всего хлор сам по себе.

В мирное время он идет на выделку удобрительных туков, т. е. веществ, весьма полезных для удобрения почвы, для белиния тканей, обеззараживания питьевой воды. И в то же время хлор — боевой газ, применявшийся в мировой войну для «газовых атак» и, кроме того, входящий составной частью в 90% всех остальных О. В.

Из хлора получается дальше хлор-уксусная кислота, а из нее, с одной стороны, индиго-краска, а с другой —

останутся внутри страны. Нам нужна собственная химическая промышленность не только не меньше, но может быть даже больше, чем другим странам.

Взять хотя бы удобриельные вещества. Ведь наша страна — государство преимущественно хлебопашеское, и земледельцы составляют большинство населения СССР. И всякого рода хлеб — рожь, пшеница, овес — представляют собой один из главных источников нашего богатства. Чем больше будет собрано хлеба, тем лучше и для собственной потребности, и для вывоза за границу, в обмен на иностранные товары. Поэтому необходимо всеми мерами добиваться возможно более богатого урожая, который достигается применением удобриельных веществ, полученных с химических заводов.

Возьмем теперь краски, столь нужные хотя бы для окраски мануфактуры. Вместо того, чтобы ввозить краски из-за границы, гораздо выгоднее иметь собственные; мануфактура тогда делается гораздо дешевле.

То же самое мы можем сказать и о лекарствах. И за них в свое время также немало было переплачено денег Германии, а в военное время, когда привоз из-за границы товаров прекратился, Россия очень больно ощутила их недостаток.

Вот главные виды химической продукции, но остается еще область борьбы с вредителями сельского хозяйства — крысами, мышами, сусликами, саранчей — всего не перечислишь.

Своего сырья у нас хоть отбавляй. И создать собственную химическую промышленность нам вполне возможно. До революции главной помехой этому была традиционная русская косность, отсутствие предприимчивости старого русского правительства и упорное нежелание сознавать народное благо.

Теперь, когда у власти сами трудящиеся, недалеко то время, когда у нас будет своя богатая химическая промышленность, и тогда, с одной стороны, сильно поднимется наше народное хозяйство, а с другой — в наших руках будет могущественное оружие на случай войны — боевые отравляющие вещества.

Старые

и новые

В. Жана.

Рис. худ. И. Королева.

Часть вторая.

СОЮЗ МОЛОДЫХ

Содержание первой и второй части.

ГЛАВА XVI.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дук'а — аскаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилу, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилу возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авил, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дука заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятым ею из берлоги медведем снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробило и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Колымск).

Люди голодали; как взрослые, так и дети. «Голодный конец» завистливо смотрел на другую сторону речки, где жили богатые торговцы. Наконец, происходит первая на реке Колыме экспроприация: тщедушный Пака забирается в амбар купца Макарьева за рыбой для своих голодных детей. Хотя Паке не удастся унести добычу, но следовавшие за ним колымские ребята хорошо использовали открытый Пакой амбар.

Обильный 1914 год у всех поправил дела на Колыме. Но затем грянула война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веяния, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Рушатся все устои веками сколоченной жизни. Созывается первый на Колыме «митинг», на котором вся власть вручается Митьке Реброву. Учитывая повсеместную, общую нужду, Ребров «макаризирует» местных торговцев, облагая их данью: чаем, табаком и водкой. А на следующий день уже само население устраивает пир на весь мир, не спрашивая и своего нового начальства.

Ребров приходит в неистовую ярость при виде такого самовольства, но его смягчили приветственные клики и всенародное подношение ему бокала с вином.

Вместе со всеми колымчанами вышла на пир и бабушка Натаха, где и умирает на руках своего внука.

Ребров не трогает пока купцов и ограничивается одним только наблюдением за ними, чтобы не вывезли товаров и не продали их якутам. Но как только встала река, на купцов вновь был сделан набег, еще более широкий, чем раньше. Забрав товары, двинулись за оленями к чукчам.

Неприветливо встретили гостей чукчи, но увидев подарки и хлебнув «жидкой» быстро изменили свое отношение. Подружились и малые и большие.

Все товары обменены были на 60 оленей, которых и закололи для отправки на Колыму.

Вместо Романовского царства, царство Макаризации прочно укрепилось на реке. Максолы обыскивали у купцов всякие мышиные норки и вывозили без жалости все, что там было, прямо в казенный цейхауз. Учета на товары не велось, и они исчезали поразительно быстро. Впрочем и было товаров не особенно много.

Безыкрянная стала Колыма, безжирная, сухая, как вяленая щука-сардонка. Правда, съездили к чукчам еще раз, и повезли честь честью чай, табак и жидкую, но только поменьше прежнего, и оленей опять привезли. А в третий раз поехали без всякого обменного товара, только с уговором словесным во рту и свинцовым уговором на нарте, и опять ничего, привезли сорок штук.

У колымской молодежи было любимое местечко. Оно называлось «на бревнах». Бревна лежали на самом берегу, пожалуй, лет двадцать. Их приплавили сверху на постройку прибавочного флигеля к полиции в пышные исправничьи дни. Но теперь, разумеется, было не до стройки. Были они такие огромные, что даже распилить их на дрова никто не покушался.

Зато собираться на бревнах было чрезвычайно удобно, конечно, не большими компаниями, а отдельными парами. Каждое бревно представляло скамейку и, если угодно, кровать. В первые августовские ночи, которые приходят на Колыму, густые, как чернила, начинались свидания на бревнах, объятия и вздохи.

В августовскую ночь Аленка Поречанка вышла на бревна к Викешке Русаку. У ней были на уме не любовные утехы, а серьезные дела. Максолы собирались на совет по поездке за птицей, а максолок к себе не позвали.

— Значит, нас не берете? — спросила Аленка сердито.

Викеша молчал.

Аленка неожиданно закинула ему руки на шею и прижалась в темноте к его жесткому широкому плечу.

— Меня возьми, — пролепетала она своим шепелявым говорком. Вышло у нее: «меня вотьми!»

Ей было только пятнадцать лет и она вообще обниматься еще не любила. Когда приставали к ней парни, она отбивалась, щипалась, царапалась, как кошка.

Но кошки при случае умеют тоже мурлыкать.

— Вотьми меня!

— Сами не знаем, как ехать! — возразил неохотно Викеша.

Аленка откинула голову.

— А я все-таки поеду, — сказала Аленка с привычным упорством.

Викеша молчал.

— Матка твоя за медведями ходила, — сказала Аленка. — Пусть мы хоть за птицей поедим, все равно...

И Викеша потупился и молвил: — Попробуйте, ежайте.

Так через день сплыли по Колыме четыре карбаса, нагруженных доверху живым человеческим грузом, максолами Колымска. За карбасьями были завязаны стружки и легкие ветки ¹⁾. Девченки ехали отдельно от мальчишек. И даже подняли на мачте особый флажок и вместо обычных букв *СМ*, «союз молодежи», вышили *СД*.

То был не девиз меньшевистской социал-демократической партии. Этим девченки хотели сказать, что им мальчишек не нужно.

С собой захватили максолы и девы метательные диски да дротики, ружья да луки со стрелами. Дорожные запасы были в реке или в воздухе. В амбаре на их долю нашлось по три горсти муки, да и то окаменелой, подмоченной, вязкой, как глиняные комья. Да еще по десятку рыбок, сушеных хачинок, тоненьких как палочки, таких, какими и собаки брезгают.

Было их семнадцать человек мальчишек и полдюжины девченок.

По полой воде лодки стремительно сплывали вниз. Плесо за плесом развевалось и свертывалось, как гладкое полотно. В первую ночь пристали к мысу и долго искали хорошего местечка, где развести огонь. Все было затоплено. Река переливалась через свои берега и каждая низинка стала заливом или озером. Костер развели перед самым утесом. И когда заварили мучную болтушку и смородинный чай, из утеса неожиданно вылез какой-то толстый зверь, попал в огонь, опрокинул и чайник и котел. И пока он отплевывался и отфыркивался дымом, они его убили просто палками. Это была россомаха. Уходя от наводнения, она явилась на ночлег раньше максольской команды и поплатилась шкурой за свою раннюю поспешность и позднюю медлительность.

Россомаха — медвежьей породы, но вместе и куньей, и мясо ее не годится на еду. Впрочем, эта россомаха опрокинула котел и влезла в огонь добровольно, как будто желая изжариться. И на этот раз они поужинали жестким куском россомахи, поджаренной на угольях, чтобы уничтожить ее неприятный запах.

На втором ночлеге река послала им настоящий промысел. То был дикий олень, согнанный с другого берега каким-то сердитым лесным жителем, возможно, медведем, и спустившийся в реку как раз против огня. Он плыл через реку, как будто на маяк, и заметил одновременно рыжий огонь на берегу и легкий челнок, вылетевший навстречу, как злая змея.

Оленье мясо было лучше россомахи. Это была настоящая, правильная, речная еда.

В поселке Горлах стали дневать. Обитателей не было. Промысловые избушки были не заперты и пусты. Там не было имущества. Даже мусор и обычные рыбы кости подыали песцы да россомахи.

Сторожевая башня еще не до конца рассыпалась. Верхняя связь стояла на земле, словно кто-то огромный и сильный снял ее сверху, да так и поставил на землю.

Нижняя часть совершенно исчезла.

И Машуха Широкая стала по обычаю рассказывать, не дожидаясь приглашения:

«В досельное время сюда наезжали речные с Колымы за промыслом рыбы чира и старики им говорили:

«Опасно ходите!» Было опасение от чукок. И на башне днем и ночью стоял часовой и смотрел в тундренную сторону. Однажды осенью промысел был трудный; рыбы, как грязи. И заметил народ: с чего-то воронье летит с тундры на гору и все каркает, все каркает.

Один старичек говорит: — Вы как себе хотите, а я иду на реку. Это не к добру! — Котомку на плечи, кликнул сынов и пошли. А другие без внимания. Вот и набегали на них чуки, кочешные голывы, мужиков перебили, баб, девок, по рукам разобрали. А двоих молодцов стреляли и стреляли до последнего. Бегают кругом майдану ¹⁾, сколь их не стреляют, а не могут попасть. Они стрелы меж пальцев ловят, стрельцам отбрасывают.

Наконец того, одному подрезали нитки (сухожилия) на правой ноге. Он и упал. А брат бежит. Он и говорит: — Эй, брат, брат! Без меня ли хочешь на солнце смотреть? — Так тот и поддался стрельцам. Обоих убили и на шкурах положили, одного-то на пеструю, другого-то на белую. Дивуются, какие молодцы.

А один молодец затаился, как будто он мертвый, и все видел. Вот через малое время старая старуха с палемкой ²⁾ и поползла по покойникам, смотрит, слушает. Который вздохнет, тому сейчас и горло перережет.

Доползла до этого притворщика. А он и укрепился, глаза завел, как неживой. Вот она стала исподтиха палемкой той рубить ему переносицу: тук, тук! Ну и укрепился, стерпел, виду не подал. Изрубил, отошла. Этим кончилось».

Жуткий досельный рассказ словно оживил и наполнил тревогой это упавшее место. И Машуха продолжала:

«Поделили чуки тех баб. Русские с реки пришли выкупать свой полон, жен да ребятшек. На выкуп за бабу котел медный, за мальчика нож. А если какая явилась с чукокским пригулом, такого за ножку да об пень.

Мальчишки притихли.

— А что бы, ты вытерпел, Кеша, — спросил с содроганием Андрейка. — если бы тебя эта гадина рубила палемкою по носу?..

— Стал бы я терпеть! Я бы бился до того, пока меня убили бы.

— Смирнее стали чуки, — сказал Мишка Берестяный.

Викеша пожал плечами.

— Смирнее до время. Время такое придет, и сами заведем с ними бой, не лучше, чем досельные.

ГЛАВА XVII.

На озере Седло вышли на новую неделю. Оно лежало на тундре, как огромная звезда, раскинув во все стороны свои узкие прямые кулиги (заливы). Охотники сразу забыли, кто парни, кто девченки. С челюлками, с собаками, разбившись на несколько групп, они стали окружать осторожно широкое Седло. Вышло так, что Викеша и Аленка оказались на одной стороне и поползли рядом, направляясь к крайнему заливу под каменной грядой.

— Гляди-ка! — указал Викеша спутнице. — Стожит.

На кочке среди кулиги стоял длинношейный лебедь. Он словно поднялся на цыпочки, чтоб стать выше, и во все стороны ворочал свои беспокойные глаза.

— Эй, лебедок, на кокушок, — шепнул Викеша, и осторожно показал фигу лебедю.

Фига по колымски кокушок. Показать фигу — жест заклинательный не только на Колыме.

¹⁾ Стружок — челнок, долбленный из тополя, ветка — легчайший дощаник.

²⁾ Майдан — площадь.

³⁾ Палемка — женский нож, вроде косаря.

Неожиданно в разных концах вскочили охотничьи собаки. Раздались крики, лай и пронзительный свист. Озеро ожило. Из разных кулиг уже выгребали охотники на легких своих челноках, с сатинами, с метательными досками, с длинными и гибкими водяными копьями, выпугивая всякую живность на середину широкого бассейна.

Гуси выплывали широкими серыми пластами, лебеди белыми стайками, утки кишели, как мухи, но на них никто не обращал внимания.

— Лебеди, лебеди! — кричали охотники.

Лебедь, главная охотничья птица севера и пред ним отступает всякая крылатая живность.

Пака Гагарленок двинулся с страшной быстротой на своей узкой ветке в объезд лебедям. С другого конца выплыл в долбленом челноке Берестяный. Они выгоняли лебедей из кулиг и грудили вместе. Вот оба с разных сторон поехали кругом стада, встретились, разъехались и снова поехали кругом.

— Взяли, взяли, — кричали охотники.

На каждой охоте, особенно на водной, важнее всего объехать добычу кругом, сгрудить ее вместе и отнять у ней перед.

зание красивое и странное, как будто в водном цирке. Лебедей ловили руками, без всякого оружия. Охотники молча и бесшумно скользили по воде. А лебеди кикали и хлопали об воду своими линиями крыльями. Они одновременно плыли, бежали и летели по воде, но гибкие челны летели еще быстрее. Два раза прогнали охотники своих лебедей взад и вперед по широкому Седлу, затем чтоб стволы их маховых перьев скорее наполнились сгустками крови. Когда обессиятся крылья, лебедь опустится на воду и станет нырять.

Первого лебедя взял Микша Берестяный. Он наехал на него на поныре, закинул нырнувшему лебедю лопасть весла на шею, подтянул к себе, и тотчас же опрокинул его на спину и сломал ему шею рукой у самого затылка.

Раз, раз, раз!

Четыре белых пушистых комка плавают по озеру в разных местах. Тоненькая Фенька управилась со своим лебедем быстрее парней. В ее маленькой ручке железная хватка. Она словно женка горноста, живая стрела или шило.

Раз!

И лебедь опрокинулся на спину и даже не бьется.

С криком, с хлопаньем, он вскочил прямо в челнок.

Лебеди сгрудились вместе. Их было много, пожалуй, штук триста. Тут были молодые, черношейные, и старые, белые, без одного пятна. Они сбились в кучу и стали, как остров, слепленный из белого пуха. На острове росли три сотни лилий с белыми цветастыми головами. Лилии вертелись беспокойно и громко кикали: «киги, киги!». Это лебеди заранее оплакивали предстоящую смерть.

Уже шесть челноков скользили по вольной воде кругом лебединого стада. И вышло впопыхах, что в одном челноке, вместо долговязого парня, сидит вертлявая Фенька Готовая, сама больше похожая на птицу и цветок, чем на сильного охотника.

— Наш челнок, наш! — завизжали ее товарки в разных местах обходной пешей линии. — Не троньте ее!

Фенька показала язык ближайшему соседу мужчине и выплыла вперед. Гребца на челноке не догнать и не ссадить словами, хотя бы и крылатыми.

Лебеди кикали.

Два охотника ездили по кругу. Третий наехал на стадо и ловко отрезал головку, четверку благородных, бескрылых, огромных лебедей. Четверку лебедей на четыре свободных челна.

Лебедей выпустили на вольную воду и каждый челнок помчался в догонку за лебедем. Это было состоя-

Еще четыре и еще четыре. Двенадцать убитых лебедей плавают мешками по воде.

Плавающий остров сжался, как белая глыба. Если бы забросить невод, можно было бы глыбу вытащить сразу на берег.

— Долго ли возиться! — ворчит Николай Крутобокий. Ему трудно втискивать в челн свою крутобокую тушу. Челн оседает под ним, как будто под грузом железа. Правда, ежели брать по четверке лебедей, можно провозиться по меньшей мере сутки.

Фенька наехала на стадо и отбила три лебедя, но вместо торжественного гога, тычет одному и другому веслом под крыло. Вот это скорее. На весле у ней острое жало. Но колоть на воде вертлявого скользкого лебедя труднее, чем оленя. Первый, второй... А третий обезумел. Он распустил крылья и сам нападает на Феньку. С криком, с хлопаньем, он вскочил прямо в челнок, сам большой, как собака. Раз, раз! Хлопает крыльями по жестким бортам. Жик! Левый борт раскололся, как фанера. Лебедь вытягивает вперед свою длинную шею-змею. Он норовит долбануть своим черным молотком по бледному лицу среброголовой Феньки.

— Мотри, мотри! — кричат ей товарищи.

Челнок переполнен водой, но Фенька смеется и взмахивает в воздухе чем то светлым. Лебединая голова дрогнула и отлетела, все-таки вперед, через Фенино плечо. Из перерубленной шеи бьют две кровавых струи на серебрянную Фенину голову. Теперь

Фенька белая с красным. Она перерубила лебединую змею коротким дорожным топориком.

Все это так, пустяки, в пределах охоты.

Фенька выбрасывает лебедя вон, вычерпывает воду и опять наезжает на стадо.

Охотники вертятся кругом стада и подкалывают понемножку лебедь по лебедю. Они объедают его по крупинкам, как глыбу подмокшего сахара. Лебяжий остров тает. Но надо быть осторожным, чтоб не расстроить пластины. Нельзя ни кричать, ни стрелять. Лебеди в гипнозе. Какой-нибудь взбалмошный выстрел может вспугнуть и разорвать пластину на тысячу хлопков. Тогда лебедей не найти. Они разбегутся по дальним кулигам и зароятся в топкий зыбун. И там отлежатся на дне, подняв свою голову вверх, и чуть дыша кончиком носа, высунутым вон из воды.

Полстада как не было. Озеро покрыто белыми толстыми хлопьями. Являются обычные пайщики. На северном конце, к берегу прибилась белая ком. И какая то острая мордочка работает над ним, теребит, затачивает вверх. Лисица, песец? Викеша хватается свою «серебрянку». Нельзя!.. Стрелять, распугаешь лебедей.

Над озером проносится черная фигура, как лодка на косых парусах, на миг отражается в темной воде. Это живой самолет, тундренный беркут. Он перелетает через озеро и падает в воду на той стороне, и тоже принимается возиться над белым комком. Видно, как он когтями терзает добычу. Киш, проклятый! Вот этот распугает лебедей. Но он отвечает охотникам задорливым клекотом.

— Стрельнуть, а? — соблазняется Викеша.

Лебяжья пластина внезапно взволновалась. Торжествующий клекот орла вывел лебедей из неподвижного оцепенения. Орла они боятся не меньше, чем боятся человека. Один ужас рассеял другой. Остров как будто закипел и рассыпался на белые хлопья. Лебеди кинулись прочь в рассыпную, прямо на охотников.

— Раз, раз, раз!

Каждый из шести челноков убивает по лебедю, потом по другому. Но целая сотня прорвалась из страшного круга. Кулиги застрелили белыми фигурами. Лебеди лезут в беспамятстве на пеших людей, на собак, борются с ними, перепрыгивают через них и спасаются в зыбун.

Огромный самец с распушенными крыльями выскакивает в Викешин угол и лезет бесстрашно вперед, прямо на Аленку. Она вскакивает и кричит и в азарте расставляет руки. А лебедь расставляет крылья. Он такой же высокий на ногах, как Аленка. Его шея, как плеть. И широкие крылья, как полы живого пальто. Лебедь обнимает Аленку этими живыми полами, словно запахивает ее и поднимает над нею свою белую змею-молоток. А Аленка хватается его за надкрылья обеими руками и увертывается с необычайной ловкостью. И вот она сзади на лебедю, почти верхом и крутит ему страшные крылья, как руки буяну. Лебедь отклоняется назад. Вот вот они свалятся в глубокую кулигу.

— Держись! — восклицает Викеша. — Минуту! Аленка, крепись! Живого возьмем!..

Он словно подпирал Аленку и лебедя своим крепким плечом. Вдвоем они скручивают лебедя, как двое полицейских — буяна. Стягивают крылья, завязывают ноги и голову. Лебедь, обращенный в пакет, беспомощно лежит на берегу.

Слышится выстрел направо. Это Берестяный расправился с беркутом за распуганный остаток лебедей. Теперь уж не страшно стрелять.

Солнце, должно быть, восходит. Но тундренное небо посылает нахмуренный дождик. Впрочем, охотники и без дождя промокли до костей.

— Гуси на завтра! — командует Викеша.

Охотники собирают лебедей и связывают в белые пучки, как будто исполсинские букеты. Эти лебяжьи букеты они волокут с торжеством по мокрому мху на место обеих стоянок.

ГЛАВА XVIII

Пылал костер. Кипели котлы, набитые доверху молодой лебедятиной. Старые лебеди жестки, но молодые черношейные отличная еда. Девченки опалили для каждого охотника по три лебединых крыла. Мозг из лебяжьего крыла, это редкое лакомство.

Пылал костер. Обе партии были вместе, и девушки, и парни. Дров не хватало на тундре на два очага.

Котлы опростали, кости обглодали. — Девки, спать!..

— Нет, плясать! — выкликают девченки и мальчишки. — Ночь наша! Успеем отоспаться.

— Ну, какую?

— Бонданды, Бонданды! — опять выкликают девицы.

— Эй яган, эй яган! — заводит сумасшедшая Фенька.

Да маленький балаган ¹⁾.

— Я лег спать там, — подхватывает Лика Берестяная; —

Ко мне девки пришли,

В роте воду принесли!..

— Мы, девки, пришли, — подхватывает весь девичий хор, —

Тебе кашу варить,

И по ягоды ходить.

— Я девок прогонил, — хвастает Микша Берестяный, —

В балаганчик ускокя..

— Стали девки плакать, — поет девичий хор.

— Стали девки хинькать, — и они «хинькают» — хнычут, —

— Стали тут пужаться,

— Стали тут страститься:

«Бонданды выгонил,

Бонданды прогонил!»..

И весь мужской хор поет в виде заключительной фразы:

Стало сердце ноть (ныть)

По хорошей девке,

По пригожей девке!..

Вышел в лес, сел на кокору,

Лови, хватай, который котору!..

Девки бросаются в разные стороны, забегают далеко от костра. Парни гонятся за ними и ловят, у кого было сговорено. Теперь бы колымские бабы не стали бы браниться: «Не тянет!»

Костер гаснет. На тундре темно..

Проспали до полудня, не беда. Стали собираться на гусей. Гусей руками не возьмешь. Надо строить особый загон. И возиться с поимкой не менее суток.

Пора уходить на Седло. Но в это время Савка протянул голову, понюхал воздух, как собака, и сказал: — Люди подходят. Пол-кось.

По-якутски «кось», по-русски «поберд», это верст десять-двенадцать, сколько лошадь или собачья упряжка пробегает до первого отдыха. Пол-кось это все-таки верст пять.

— Кто люди? — спрашивает Берестяный. — Пойдем-ка, посмотрим.

¹⁾ Лесная избушка.

Они собираются итти. Но Викеша повел головой, прищурил свои острые глаза и спокойно сказал:

— Не ходите, они сами подойдут.

Через четверть часа подходили незнакомые люди. Их было двое. Были они в замшевом платье, в коровьих першнях с сукоными отворотами. Тоже молодые, но постарше колымских «молодых». С виду чернее и ниже.

— Алазейские, — сказал утвердительно Викеша.

Первый утвердительно кивнул головой.

Викеша, как старший, сказал по якутски:

— Капсе! — «говори!»

— Гох! — «ничего!»

— Что нового?

— Все хорошо!

Поречане с Алазеи, ближайшей на запад реки, сходятся с колымчанами на тундренных промыслах. Они живут в поселке Алаиха, как остров среди якутов, и сами объякутели почти до конца.

— Как будем делиться? — спрашивает Викеша.

Многие не верят, сомневаются о беглых. Но боятся, положительно, все.

— Я видел, — сказал неожиданно второй алазеец.

— Какие такие? — засыпали вопросами его камзолы и камзолки.

— Большие, как сосна! — ответил алазеец.

Викеша только плечами пожал.

— погоди! — перебил алазеец. — Ну, может, поменьше сосны. Я не мерил. Ружья у них и эти, как их называют по новому, — реверверы. В мешках сухари, круглые да белые, как снег. То и называют их белеты¹⁾.

— Опасно ходите! — в третий раз повторил алазеец, особенно торжественно и грозно.

— Беглые, чужие идут!..

Дня через четыре колымские камзолы поднимались по реке с захваченной в тундре добычей.

Все лодки были переполнены птицей, лебедями и гусями. Даже сидеть приходилось на птичьих горах.

Лодки приходилось тянуть на бичеве.

На промыслах в тундре не ссорятся. Тундра велика. Хватит для всех и рыбы, и птицы, и даже дикого оленя, и пушнины. Делятся местом по-братски.

Но гость покачал головой, и, вместо якутского, заговорил по-русски:

— Опасно ходите! Мы к вам с вестями пришли. О беглых говорят на Индигирке. Наступают на восток.

Индигирка — это вторая на западе река, подальше Алазеи.

«Опасно ходите!» — это было словно продолжение сказки о побоище в «Горлах». Может быть, даже повторение.

Легенда о «беглых», о неведомых странных врагах, пугает и дразнит на севере уж много людских поколений. — Что будто показались на севере, на западе, на юге, неизвестные люди, чудовища, злокозненные духи и наступают на здешние поселки или стойбища.

У чукок это ночные тунгусы, приходящие с моря, с перепонкой меж пальцев, двуногие тюлени, дельфины в волчьей шкуре, с человеческой злобой. У русских на «низу» это ужасные Шелаги, которые громили лет полтора назад поселки поречан на Колыме. От этих погромов остались географические имена: урочища Убиенная, Дуванная. Там они убивали людей и дуванили — делили добычу. Но где эти Шелаги теперь обитают, неизвестно.

У русских на среднем течении это беглые с каторги, убийцы, кандазная шпана. Они убивают кандалами, таскают с собой пушку-пулемет. Одно слово: беглые.

— Да разве их кто видел, — сказал Викеша с сомнением.

Хороший ворошек охотники зарыли на тундре под мох, задавили камнями, чтоб волки и песцы не добрались. За этим приходилось приехать зимой на собаках.

Итти было трудно. Лодки приходилось тянуть на бичеве против течения с таким тяжелым грузом. Но самый тяжелый груз была это таинственная весть об идущих откуда то «беглых». — Идут через Алазею на восток.

Поречане ошиблись в одном. Беглые пришли не с запада, а с юга. То были, действительно, «беглые», остатки пепеляевских отрядов, разбитых на Охотском берегу и вторично разбитых в Якутске.

«Беглые» и белые враги наступали на северный край.

¹⁾ Галеты.

Конец второй части.

*****

Серебряное кольцо

Рассказ Л. БРИЗОН.

Наступила ночь и со стороны джунглей понеслись от реки крики диких павлинов. Эти резкие, неожиданные звуки, напоминающие человеческий голос, вместе с жарой и дикостью местности, заставляли Фриделя, который шел во главе своего отряда, останавливаться в болотистой тине берега, содрагаться и сыпать дикими проклятиями. По правую руку тянулся черный лес, во мраке которого слышались сдавленные шумы и шорохи невидимой жизни. По левую руку Сонг-Би, спокойная и темная река, слегка морщилась, томясь в тисках раскаленного, застывшего воздуха. И вдруг, красная раскаленная завеса порвалась. словно могучий выдох, ударила в лицо струя сырого, налитанного винным ароматом воздуха.

Фридель обернулся к шедшему за ним сержанту, единственному белому человеку во всем его измученном отряде.

— Опять заблудились! — проговорил он с досадой.

— Не думаю! — успокаивающе ответил сержант, теребя свою черную бородку. — Утром проводник говорил мне, что мы будем в деревне вскоре после захода солнца. Значит, она недалеко, но может быть...

Фридель перебил:

— Все это прекрасно, но теперь мы остановимся здесь. Скажите, чтобы нашли сухое место и развели огонь.

Он опустился на валившийся обрубок дерева и уронил голову на руки.

— Сухое место!? — сержант пожал плечами. Под его грозным окриком носильщики остановились, изнемогая под тяжестью поклажи. Проводник Туоп, из племени Мои, начал протестовать на своем непонятном языке, но сержант не обратил на него никакого внимания. Забормотали что-то и проводники, отходя к кустарнику на краю болота и снимая с плеч тяжелую поклажу. В их гортанных звуках слышались радостные, но сдержанные ноты.

Лейтенант Фридель изнемогал не только физически, он все больше чувствовал какую-то душевную пустоту, по мере того, как выдыхалось в пути его честолюбие. Когда он был вызван к коменданту Сайгона, который сообщил ему, что во французских колониальных войсках нет более достойного и верного офицера, чтобы встать во главе экспедиции, направляющейся в страну Мои, тогда Фридель страшно разважничался от столь высокого назначения. Ведь он был так молод и, кроме того, совершенно не знал Индо-Китая, и вдруг ему выпала такая честь! Требовалось произвести обследование племени Мои в целях научных и коммерческих, а попутно втолковать этим примитивным людям, что они французские подданные. Эти задачи не из легких. Фридель не понял тихого замечания коменданта, что он может во время этой экспедиции уподобиться съедобному блюду или принять участие в священных жертвоприношениях. А когда комендант сообщил своим старым знакомым об отправке этой экспедиции, то начальник ее прямо прослезился от гордого волнения.

С тех пор, как Фридель покинул Тудамот с его полудивилизованным населением и призрачной властью белых, долгие недели, проведенные среди кустарников, значительно охладили его пыл. Эту ночь на берегу Сонг-Би, страдая от насекомых и колючих шипов, от страшной усталости и жары, он был снedaем тяжелым чувством, что над ним могут наглумиться трусливые дикари. Свои вещи он отправил на повозке более легким, кружным путем. Отряд же, направляемый проводником Туопом, пробирался напрямик к деревне Бан-Донг.

Фридель продолжал сидеть с упавшей на руки головой; он хотел бы в этот момент находиться где угодно, но только не здесь.

Мерон, бородастый сержант, проживший в этой стране Мои уже более пятнадцати лет и знающий в совершен-

стве здешние обычаи, весело суеился, готовя привал.

В стороне, шагах в ста от начальника, стояли сбившиеся в кучу носильщики. Сквозь их тихий гортанный говор до слуха белых доносилось какое-то странное монотонное завывание. Это пел Туоп, вызывая к ночному небу.

Молодой лейтенант встал и направился к поющему.

— Разрешите мне следовать за вами, лейтенант! — проговорил тихо Мерон.

С помощью Мерона и своего очень небольшого запаса местных слов, Фриделю удалось узнать причину поведения проводника.

— Я прошу, белый человек.

— Кого ты просишь?

— Небо.

В этот момент сержант дотронулся до плеча лейтенанта, который уже готов был засмеяться в ответ на это объяснение.

— А почему ты вызываешь к небу, старик?

— Благодаря лености белых людей, которые не пожелали дальше идти, я должен остаться эту ночь вне моего дома и прошу души моего отца и моей матери охранить мой дом за время моего отсутствия.

Старик посмотрел своими спокойными, морщинистыми глазами на начальника. Взошедшая луна скользнула холодным светом по лицу старика и, когда он тряхнул головой, что-то блеснуло: в левом ухе висело большое серебряное кольцо, спускавшееся до самых плеч. Оно было грубое, необработанное, старое, местами стертее и покрытое белесоватыми пятнами. Это кольцо и привлекло внимание Фиделя.

— Ну, ладно, — проговорил он, — иди и молись. А когда мы придем в деревню, я заплачу тебе за это кольцо один пиастр.

— Оно не продается.

— Ну, два пиастра.

Но старика не прельстила даже такая сумма. Кольцо, торчавшее в его ухе, носил его отец, а от него оно должно было перейти к сыну.

— Оно принадлежит не мне, а моему сыну.

Француз обругал его упрямым идиотом и приказал ему немедленно снять кольцо, угрожая в противном случае наказанием.

Но старик Туоп стoжно врос в болотную тину и не издавал ни единого звука.

Фридель уже освободил свои руки, когда сержант молча встал между ними.

— Я накажу его! Я научу этих дикарей повиноваться власти!

Всю злость, всю накопившуюся за время тяжелого пути досаду, он излил в связи с этой маленькой неудачей.

— Потом! — шепнул ему на ухо Мерон. — Сначала доберемся до деревни, а не теперь.

Фридель резко повернулся, отошел и снова уселся на прежнее место, невольно продолжая думать урывками о ничтожном серебряном кольце, которое приобрело, благодаря словам старика, какое-то символическое значение.

И пока он сидел, погруженный в свои мысли, Беп-Тои, его повар, подкрался к нему и зашептал с рабской угодливостью:

— О, господин, я все слышал! Я достану тебе это кольцо. Не за два пиастра, а так, ни за что!

Но Фридель рассчитывал добыть кольцо, пользуясь своей властью начальника, а потому отослал Беп-Тои на свое место, готовить пищу у костра.

* * *

Они вошли в деревню Бан-Донг рано утром. Старый сморщенный вождь в своем кресле-носилках поджидал их, чтобы приветствовать у калитки своего дома. Он просил великого воина и могучего охотника, который пришел

к ним в Бан-Донг, как посол от племени французов, принять их гостеприимство и сообщить ему, какие услуги его племя может оказать своим правителям и не нарушил ли кто-нибудь из его соплеменников своих обязанностей.

Фридель не мог допустить, чтобы кто-либо из этих дикарей мог его послушаться и тем подорвать его престиж. А потому ответил, что очень доволен оказанным ему приемом, пожаловаться же может на одного только проводника.

Туоп стоял за вождем, Фридель и указал на него.

— Этот человек, — произнес он по-французски и Мегон тотчас же перевел его слова, — вел себя очень нахально. Я предлагал ему высокую плату за кольцо, которое он носит в ухе, но он ослушался меня.

Туоп выступил вперед и уперся взглядом в лицо француза.

Вождь объяснил, что не в обычае туземцев продавать ушные украшения, которые перешли к ним от предков, но француз начал запальчиво кричать.

— Хорошо! — произнес тогда вождь, опасавшийся сверхъестественной силы чужестранцев. — Туоп продаст свое кольцо!

— Оно не мое, — кричал Туоп в исступлении, — и у меня его нет! — Он показал на свое ухо, где не было кольца действительно.

В этот момент вождь потерял всякое чувство справедливости.

— Туоп — враг Бан-Донгам, — прошептал он, вытаскивая изо рта растение, которое жевал. Он забыл, что Туоп, помимо своей верности традициям своих предков, навлекшей на него эту беду, слыл еще за храброго охотника и великого мудреца. Старый вождь забыл это и потрясал своими параличными руками в направлении Туопа:

— Он — враг племени! — злобно продолжал старик. — Он должен уплатить за это молодого буйвола и до новой луны будет в немилости. Ни один мужчина и ни одна женщина не должны приближаться к его дому! — глаза старого вождя остановились, словно в пароксизме.

Преступник испустил тяжелый вздох удивления и возмущения, повернулся и молча зашагал по направлению к своему дому. Собравшиеся зрители стали расходиться, подавленные всем происшедшим. Ушел и сын Туопа, Блей. Никто ни единым жестом не посмел выразить недовольства.

Придя в себя, дряхлый вождь приступил к продолжению церемоний, связанных с приходом гостей. Они были трудны, продолжительны, и Фридель почувствовал большое облегчение, когда попал, наконец, в помещение, специально построенное на время его пребывания в Бан-Донге.

Деревню охватило сильное замешательство. С приходом этих чужеземцев жизнь вывалилась из колеи. Намерения белых были туманны: они в любой момент могли потребовать себе носильщиков или заставить прорубать сквозь джунгли тропинки для своих повозок с багажом, — тропинки, которые было совершенно бесполезно прорубать, так как они в самый кратчайший срок вновь зарастали. Эта неясность положения тяготила жителей.

Фридель, казалось, мало смущался их тревогой, у него было достаточно своих забот. Он решил во что бы то ни стало заполучить засевшее ему в голову кольцо. Он должен был добиться своего, как представитель власти, и решил действовать через Беп-Тои, из племени аннамитов. Ему достаточно было намекнуть, что добывший кольцо ловкостью или хитростью не понесет никакого наказания.

Не было никакого сомнения в том, что кольцо было старательно спрятано в хижине Туопа, в его теперешней тюрьме. И Беп-Тои питал такое презрение к племени Мои, какое только может питать аннамит к народу джунглей. Беп-Тои мало интересовал вопрос, почему лейтенант добывается этого кольца, он просто по натуре был великим авантюристом и его не удовлетворяло сидение у кипящего котла. Долгие годы темных дел не обескуражили его.

* * *

В своем жилище, на восточном конце деревни, Туоп скрылся от людских взоров. Те, которые ожидали от него покорности, жестоко ошиблись. Жена Туопа, всегда являвшаяся каким-то молчаливым, странным существом, ходила взад и вперед по деревне за водой, за дровами и на обращения к ней вопросы безмолвно улыбалась.

Всякий другой, менее нечестивый, чем Туоп, взял бы на его месте печенку петуха и водрузил ее на бамбуковом

шесте перед своим домом, чтобы умиловить богов, которые взирали с гор Юмбра на без вины виноватого. Туоп же просто уплатил назначенный ему штраф — молодым буйволенком и держал при себе свои думы, равно как и свое серебряное кольцо.

Однажды, ночью он сидел перед своим очагом, пожевывая траву бетель, женщины копошились по углам, сын же, Блей, сосредоточенно бормотал что-то себе под нос, словно замыслил какие-то ужасные вещи против французского правительства в Индо-Китае. Вдруг он обернулся и направился к дверям.

— Это только Айрап! — произнес Туоп, останавливая его.

Действительно к дому приближался старый гадатель. На кривых старческих ногах он неслышно прокрадывался, скрываясь в отбрасываемой луной тени стен, и приближался к лестнице. Он тяжело дышал: на его коричневом лице, сплошь покрытом морщинами, поблескивали два маленьких острых, словно гвоздики, глаза.

Айрап, обычный посетитель этого дома, был больше чем друг — его дочь была женою сына Туопа и он пользовался здесь большим доверием.

— Какой смелый поступок — осмелиться прийти к нам, осужденным!.. — произнес Блей с горьким почтением.

Я достану тебе это кольцо.

— Да, смело, — произнес с улыбкой Туоп, — но для такого великого гадателя, который может сделать себя незримым для других, это не страшно.

— Но который, однако, не мог сделать себя невидимым для французов, — закончил старик, входя.

— Французы видят только тогда, когда их ударят по носу! — произнес Блей. — Но у них имеется повар аннамит, который бродит повсюду. Он очень долго шнырял в нашем конце. Я его видел своими глазами и пропорю ему насквозь живот, если...

— Если ты не будешь удержан мудростью старших! — прервал его Туоп. — Ты пришел во-время, Айрап. Ты знаешь хорошо моего сына, чтобы понять его неблагодарную храбрость. Я много раз говорил ему, что ни один человек не может знать, зачем к нам явились эти французы. Мы должны тихо и терпеливо ждать их ухода.

Но старый Айрап принес новости.

— В деревне беспокойно, — говорил он. — Там большое волнение. Французы потребовали, чтобы каждый мужчина, и женщина, и ребенок, — даже ребенок! — был пересчитан и записан в книгу, а эту книгу они увезут с собой.

— Вреда от этого не будет никакого, — заключил Туоп.

— Да, но вы не знаете волшебства этих французов, — протестовал предсказатель. — Конечно, они не знают многих вещей, живя там далеко, на юге. Но они знают колдовство... — Айрап затруднился выразить точно, в чем состоит это черное искусство белых.

— Ни одному французу не позволю сосчитать себя! — проговорился Блей, сплевывая жвачку бетеля в огонь.

— Многие так говорили! — произнес Айрап, содрогаясь, несмотря на огонь и горячее дыхание джунглей, ворвавшееся в неплотно запертую дверь.

— Многие, если бы они были настоящими мужчинами, могли бы постоять за себя.

— Тише, тише, мой сын!

Блей обернулся к отцу.

— Французов только двое и с ними один аннамит — п-вар. Остальные из племени Раде. Почему должны Бан-Донги?...

— Потому, что за этими двумя стоит еще много других, мой сын, и потому, что у них есть оружие.

Блей подвинулся к огню, где он был лучше виден, вынул нож с роговой рукояткой. За их спиной послышался шум и одна из женщин встала. Это была жена Блея, дочь старого Айрапа. Она медленно вышла и остановилась за дверьми.

Ее стройная фигура четко вырисовывалась в серебристом лунном свете. Она подняла руки высоко над своей головой и на одну минуту впилась взглядом в черноту джунглей за рукой.

Чтобы не ронять своего достоинства, муж не взглянул на нее; оба же старика вновь вернулись к своим грустным размышлениям.

— Есть и другие мужчины, которые говорят так же смело и дерзко, как Блей, — произнес Айрап.

— А что думает мудрый старец? — спросил Туоп, подражая вождем.

— Он ничего не говорит, но мне сдается, он очень огорчен, что посадил тебя в заключение и не может воспользоваться твоими мудрыми советами.

— Я не люблю глупцов! — произнес с усмешкой Туоп.

— О, нет, здесь не глупость, мой друг! — запротестовал Айрап. — Французы сидят и сидят и никто не знает, сколько времени они пробудут здесь, если не отправятся в дальнейший путь, — говорил он с глубокой печалью, поднимаясь на своих старческих ногах и направляясь к выходу.

— Я приду опять, как только получу новости.

Дочь, проводив его до дверей, вернулась на прежнее место в угол, не произнося ни слова.

Туоп же вышел на крылечко и стоял, пока старик не спустился с лестницы.

— Что ты видишь в ночи? — спросил отца через плечо Блей.

— Ничего! — ответил Туоп. То, что он видел, была фигура человека, одетого в слишком широкую одежду для местного жителя. Фигура прокрадывалась вдоль кустарника к жилищу французов.

Позднее, когда вся семья уснула, Туоп встал и развел огонь. Больше часа он просидел в раздумьи и, прежде чем идти спать, он вынул свое кольцо, спрятанное в куче листьев, и переложил его в другое место.

* * *

Фридель и его сержант спали вместе в особом домике, который не походил на обычные деревенские постройки с их редкими бамбуковыми полами, покрытыми привычной грязью и запыленным от долгого человеческого пребывания. Внутри этого домика все было ново и чисто, он служил вполне сносным жилищем для путешественников.

Дела и думы жителей деревни Мои, в знойные раздражающие дни, текли медленно, но упорно к одной цели — освобождению от благоденствия французской власти. Однажды утром Мерон проснулся и уселся на своей циновке у двери. Фридель еще спал. Протерев глаза своими широкими ладонями, сержант взглянул на Фриделя. Как он похож еще на ребенка! — подумал он, глядя на свежее лицо, полное жизни; темные волосы спадали завитками на лоб, под маленькими черными усиками вырисовывались мягкие очертания надутых губ.

На лице Мерона, в спутанных клочках черной бороды, появилась снисходительная улыбка. Он набросил полосатую рубашку на свою грудь, натянул брюки и вышел за дверь с ботинками в руках. Он тихонько свистнул, подзывая Бен-Тои, чтобы поторопиться с завтраком. Обычно запах с кухни Бен-Тои в этот час уже заполнял все пространство. В это же утро только свежий ветерок бежал от реки сквозь лес и шевелил листья деревьев. Он позвал вновь. Ответа не последовало. Вокруг дома стояла странная тишина. Мерон одел ботинки и направился на расследование.

В углу за домом виднелась оставшаяся с вечера куча золы от костра Бен-Тои. Бамбуковая чашка, наполненная рисом, и четыре яйца, выданные накануне для утреннего завтрака, лежали в корзине на крыльце. Носильщиков и по-

гонщиков, также обычно готовивших в это время пищу, на этот раз нигде не было видно. И за домом, и перед домом шагов на сто не замечалось ни людей, ни животных, ни запасов, ни прочих вещей.

Встревоженный, молча направился к деревне.

Он оглядывался вокруг, надеясь увидеть на берегу реки суматошных женщин с кувшинами воды или цыплят, свиней, собак, детей, дружно роющихся в грязи. Не видно было и точеных лиц охотников, разгонявших на солнце остатки сна и расправлявших свои отяжелевшие члены. Нигде ни души. Деревня Бан-Донг стояла погруженной в полную тишину, хотя солнце уже высоко поднялось над пальмами.

Он медленно шел среди домов, которые словно одряхлели на своих сваях, хотя еще накануне они были полны жизни. Он забрался по лестнице в один и другой дом. Везде пусто. В доме вождем также никого не было.

На восточном конце деревни он увидел тонкую струйку дыма, тянущуюся к небу, где разгорались бронзовые лучи восходящего солнца. Он повернул к этому дому, надеясь к пробуждению Фриделя вернуться со свежими новостями. Это была хижина Туопа.

Здесь-то и увидел он пропавшего повара. Бен-Тои, привязанный к бамбуковому шесту, валялся в грязной куче отбросов и почти помешался от ярости.

Сержант, молча и без улыбки, разрезал веревки, не задав ни одного вопроса. Бен-Тои расправил свои затекшие ноги, бросил полный негодования взгляд на дом Туопа и ушел выполнять свои утренние обязанности.

В дверях появился старик.

— Бай-чон? Что все это значит? — спросил он учтиво.

— Деревня Банг-Донг убежала, мой друг! — произнес Мерон. — Может быть, ты скажешь мне, почему?

— Я изгнан моим народом, благодаря французам, который из-за ушных украшений забыл о справедливости, — ответил Туоп. — Как я могу знать, что делает мой народ.

— Но мой господин и я, мы остались без рису и без носильщиков, — ответил Мерон.

— Может быть, они и вернуться, если не найдут другого места, — ответил сухо старик, поворачиваясь и уходя в дом.

Мерон не стал кричать и ругаться, а молча побрел к своему новенькому домику, где застал Фриделя, который находился в иступлении от долгого ожидания завтрака и проклинал своего повара.

Сержант обратил внимание своего начальства на необычайную тишину, сообщил ему о бегстве всей деревни и их отряда. Ошеложенный лейтенант вскочил, быстро сошел с лестницы и взглянул в обычном направлении. Яркий свет свежих утренних лучей ударил ему в лицо. И вдруг, просвистела стрела Мои, пущенная со стороны джунглей, впиалась в землю у ног Фриделя и задрожала. Он отскочил в сторону и выхватил из кобуры револьвер.

Тишина пустынной деревни, казалось, еще более усилилась. Ветер стих. Листья на деревьях и вьющиеся ветви виноградики словно замерли в напряженном ожидании дальнейших событий.

Мерон поднял стрелу, разломил ее о колено и бросил в огонь.

— Лейтенант! — произнес он, загадочно усмехаясь в свою черную бороду. — Имею честь вам доложить, что мы находимся в осаде.

Проводив глазами уходивших француза и повара-аннамита, Туоп снова вошел в свой дом. Его темное старческое лицо сияло радостью, хотя он видел всю злость, которая кипела в Бен-Тои. В нем еще не остыли ощущения, которые он испытывал, связывая веревкой дрожащие мускулы Бен-Тои и тыкая его носом в смрадную кучу отбросов под домом, где он должен был раскаиваться в своем грехе. И тем не менее, он не ощущал в своей душе радости победы. Его мучили те дела, что творились в его собственном доме.

Его сын Блей отсутствовал. В доме находились лишь три женщины. Одна из них, жена Блея, громко рыдала в углу. Его собственная жена и мать возились около огня, приготавливая еду и храня какое-то злое молчание.

Наконец, его мать, которая в силу своих преклонных лет пользовалась особой привилегией, начала бурчать. Она беспокоилась за внука совершенно не смущаясь слезами невестки.

— Блей поступил умнее всех нас, уйдя вместе со своим племенем. Деревня осквернена присутствием двух чужеземцев, пришедших из варварской страны, которую никто не знает. Эти бледнолицые люди хотят напустить чародейство. Мы должны тоже уйти. Вождем давно забыл о том наказании, которое он наложил на нас, Туоп. Он теперь сам убедился, что эти французы наши враги.

Туоп не стал объяснять, почему он не ушел вместе со всеми жителями. Деревня быстро собралась, пока французы спокойно спали. Вслед за ними собрался и Блей, но Туоп запретил женщинам сопровождать сына, когда он уходил во главе охотников, вооруженных словно на войну.

В настоящий момент Туопа беспокоило что-то еще. Он ел свой рис и временами бросал взгляды на невестку, которая сидела в углу, продолжая всхлипывать. Когда же встал и вышел из дому, она незаметно выскользнула вслед за ним. Туоп направился вдоль пустынной улицы к той единственной хижине, в которую имел право входить, к дому Айрапа-предсказателя. И дочь Айрапа вслед за ним вошла в дом отца.

Она не унижалась перед Туопом, хотя он и был с нею очень строг.

— Теперь ты скажешь, где серебряное кольцо? — спросил он.

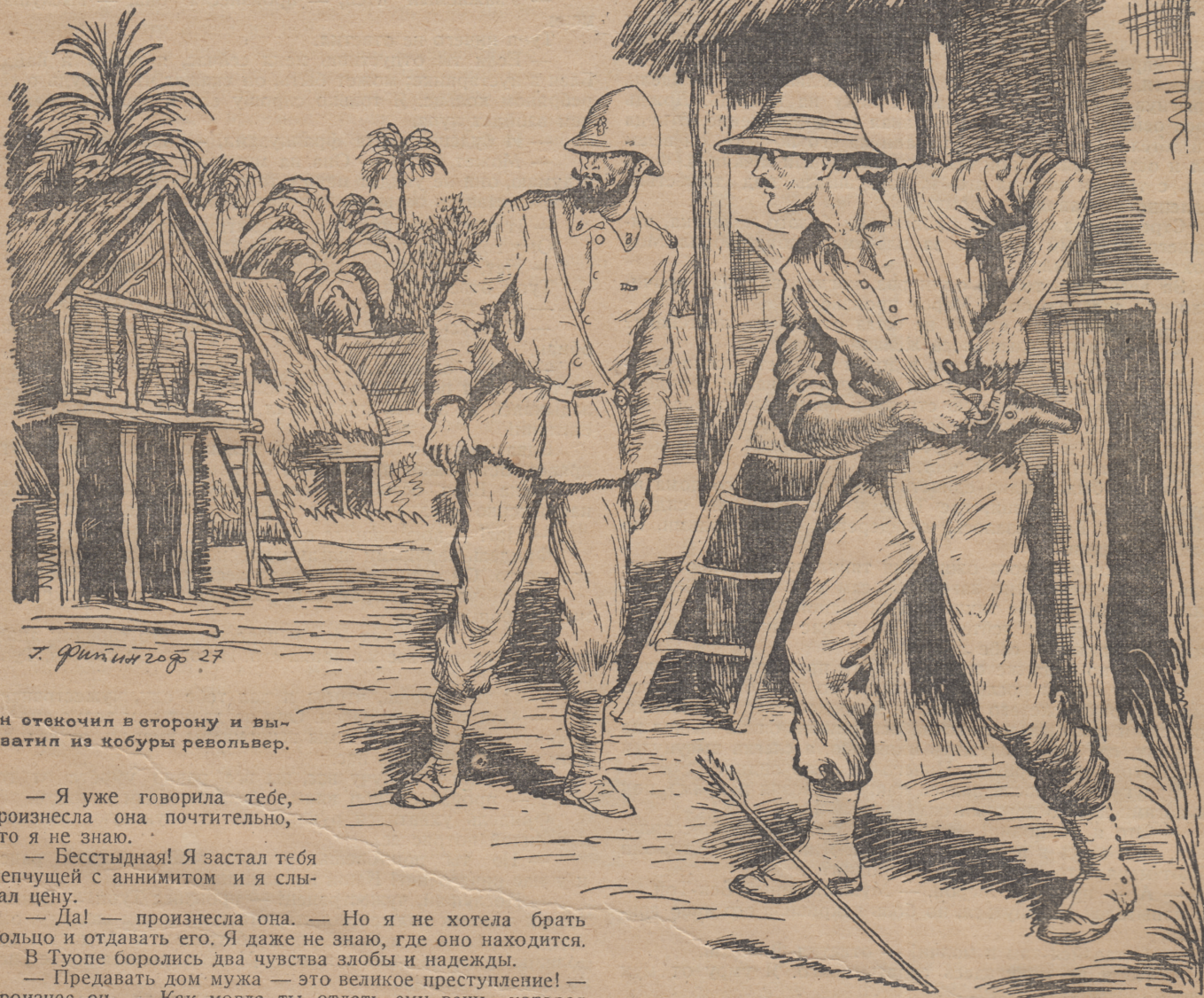
но не нашел серебряного кольца ни у него, ни у невестки. Он связал аннамита и бросил его в мусор.

Он пристально смотрел в ее конвульсивно-подергивающееся лицо.

— Твой поступок, — произнес он, — неслыханен в нашем племени; он постыдный и злой. А если ты хотела тонко одурачить врага, то это не женское дело; предоставь его мужчинам. Я поверю твоим словам только тогда, когда моя вещь будет снова в моих руках.

— Верь же мне! и — женщина с мольбой протянула к нему руки.

— Когда вещь найдется! — повторил Туоп. — Подумай только, как мы живем, кругом враги!.. Иди прочь! Если же аннамит еще раз заявится, я убью его.

Он отекочил в сторону и выхватил из кобуры револьвер.

— Я уже говорила тебе, — произнесла она почтительно, — что я не знаю.

— Бесстыдная! Я застал тебя шепчущей с аннимитом и я слышал цену.

— Да! — произнесла она. — Но я не хотела брать кольцо и отдавать его. Я даже не знаю, где оно находится. В Туопе боролись два чувства злости и надежды.

— Предать дом мужа — это великое преступление! — произнес он. — Как могла ты отдать ему вещь, которая принадлежит твоему мужу? Только для него я берег ее и тем навлек на себя гнев француза.

Дрожь прошла по телу женщины от его слов, но она взглянула ему прямо в глаза.

— Я не брала кольца, — повторила она снова.

— Ты не сознаешься в воровстве, словно обезьяна самка. В то время, когда твой отец и твой собственный муж сидели у огня и тревожно обсуждали положение, в которое попали Бан-Донги, ты шепталась с ним.

— Я этого не отрицаю.

— Но тогда, как же не сознаешься ты в другом?

— Потому что — да ты все равно не поверишь мне — я хотела взять у него деньги и обмануть его, как дурака; деньги я собиралась отдать Блею. Как бы я могла передать ему кольцо, когда сама не знаю, где оно находится.

Туоп был окончательно сбит с толку. Он видел аннамита вместе со своей невесткой, он собственными ушами слышал, как эта женщина запродавала фамильную драгоценность. Тогда он выскочил и бросил аннамита на землю,

Туоп вновь принялся за поиски. Женщинам он ничего не говорил и не просил их помощи. Он перевернул каждую маленькую вещицу, перебрал все листья, лежавшие в куче, пересмотрел все щелочки в бамбуковых стенах, обследовал крышу и ничего не нашел.

* * *

Вслед за первой стрелой, последовала уже целая пачка. Мерон не удивился, наблюдая, как с лица лейтенанта сошло обычное мягкое выражение и появилась злоба. Он наблюдал, но отнюдь не питал иллюзий относительно их положения. Он последовал за Фриделем, когда тот укрылся в доме, и улыбнулся, выслушав план дальнейших действий, изложенный начальником.

— Дела очень скверны, мой лейтенант! — произнес он. — И собственно нам ничего нельзя предпринимать!

— Вы желаете быть убитым? — огрызнулся Фридель. Старый сержант вновь усмехнулся.

— Нет, это не мое желание, но моя судьба. Я всегда рассчитывал окончить одно из своих путешествий на острие стрелы Мои.

— Разве нет другого выхода, Мерон?

— Есть — умереть от голода.

— А этот упрямый старик, что не хотел продать мне свою безделушку? Он здесь или тоже ушел? Он, по всей вероятности...

— Ничего не даст нам! — закончил Мерон.

— Но у него, наверняка, есть запас и мы можем отправиться к нему?

— Я попытаюсь! — произнес Мерон.

В результате его попытки, минут через шесть, он лежал вниз лицом в переулке, с ловко всаженой в бок стрелой.

Откуда прилетела эта стрела и все остальные — сказать было трудно. Фридель стоял в дверях и ничего не мог заметить, кроме легкого шума, доносившегося со стороны джунглей.

В первый момент Фридель подумал, что его сержант убит, и только эта мысль его остановила. Лейтенанта можно было упрекнуть во многих грехах, но только не в грехе трусости. В это время Мерон пошевелился и Фридель, спрыгнув с крыльца, бросился к нему на помощь. Дождь стрел осыпал его и теперь он знал до направления, откуда они летели. Одна из стрел царапнула его по ноге, он вскочил и оступился. Мерон был основательный мужчина. Фридель с трудом поднял его и, согнувшись под тяжестью, медленно направился к дому.

Стрелы остановились. словно вид белого человека, висевшего тяжелым мешком за плечами, удовлетворил Мои и охладил их пыл.

За весь путь только один раз, когда движение причинило ему сильную боль, Мерон произнес:

— Надеюсь, что стрела не была отравлена, лейтенант?

В тоне голоса слышалось желание утешения.

И когда Фридель внес его в дом и стал осторожно укладывать на бамбуковый пол, он потерял сознание. Фридель извлек из раны торчавшую стрелу и внимательно обследовал ее, чтобы обнаружить следы сока от дерева «чахуай». Промыв рану и сделав перевязку, он вновь направился к дверям на сторожевой пост.

Ему не было видно единственного обитаемого дома на другом конце деревни, где Туоп и его женщины сидели в ожидании. Ему казалось, что деревня пуста людьми, но полна стрелами.

Часы напряженного ожидания тянулись медленно. Фридель как-то незаметно заговорил сам с собой и, обернувшись, поймал на себе тихий взгляд Мерона.

— Дело дрянь, лейтенант. Но у нас еще есть время, чтобы оставить по себе память.

— Да, но куда же стрелять в эти проклятые джунгли?

Вместо ответа послышался какой-то шум около самого дома. Мерон также его услышал и предостерег начальника. Фридель и сам был достаточно осторожен: он не вышел на лестницу, где мог послужить мишенью, а слегка высунулся и посмотрел по сторонам. Ничего не было видно.

Вдруг снова послышалась какая-то возня и прямо под их ногами кто-то дарапал бамбуковый пол.

— Это я, господин! — раздался скорбный голос аннамита. — Я здесь в ящике под домом. Я не могу выйти, они убьют меня. Что мне делать, господин?

— А! — произнес Мерон. — Мужественный Бен-Тои. — Он попытался улыбнуться, но боль искривила его лицо гримасой.

— Оставайся там и молчи! — ответил Фридель.

— Но я не могу здесь сидеть долго. Я умру от мух и вони.

— Сиди и не рыпайся. После захода солнца можешь подняться.

День подходил к концу. Знойная тишина изредка чарушалась возней и тяжелыми вздохами Бен-Тои.

* * *

Бан-Донги, повидимому, перестали обращать внимание на своих пленников и только раз, когда Бен-Тои попытался высунуться наполовину из своего ящика, дождь стрел вновь рассыпался над его головой.

В углу хижины стоял глиняный горшок для воды. Там оставалась лишь одна капля. Фридель мочил тряпку и прикладывал ее к запекшимся губам Мерона, не разрешая себе пользоваться хотя бы одним глотком. Он ждал с нетерпением ночи.

Туоп продолжал сторожить вход. Он сидел между столбами своего дома и не спускал глаз с джунглей, где его зоркий глаз улавливал временами условные знаки часовых. За его спиной слышалась непрерывная болтовня женщин. Он сторожил свою дверь, потому что его мать выразила

непреклонное желание, если представится возможность, убежать в лес и присоединиться к своему народу.

— Почему я должна оставаться здесь? — спрашивала она. — Если Туоп перешел на сторону бледнолицых...

— Не перешел! — произнес Туоп решительно.

— Ты останешься здесь, когда твой собственный сын ушел и ты... — Старуха зарычала, захныкала, заругалась.

Туоп не считал долгом отвечать снова. Его собственная жена, как всегда, была покорна. Невестка медленно двигалась под его упорным, подозревающим взглядом.

Его жена надеялась пробраться на реку за водой попозже. Они съели свою вечернюю порцию риса в молчании, после чего Туоп вновь занял свое прежнее место.

Эту ночь луна взошла поздно. Это был час, когда на тропиках наступает абсолютная темнота. Под прикрытием этой черноты, когда нельзя было видеть ее позорной печали, жена Блея подошла к старику.

— Уважаемый отец, — произнесла она, — выслушай меня.

Туоп ничего не ответил.

— Если ты отпустишь меня сейчас, я пойду и найду Блея в кустарнике; может быть, он скажет что-нибудь о серебряном кольце. Я только спрошу его и вернусь прежде, чем взойдет луна.

— И будешь убита французами, — пробурчал старик.

— Может быть! — Она на минуту задумалась. — Нет, я думаю, они не увидят меня с того конца деревни. Я пойду вниз, скрываясь за высокими пальмами и через...

— И там встретишься с аннамитами, так?

Она горестно покачала головой:

— Нет, отец, я тебе все сказала про аннамита.

Туоп отвернулся.

— Так ты не имеешь с ним никаких дел теперь?

— Клянусь богами горы Юмбра, отец, — это был только обман.

— Ха! — огрызнулся Туоп. — Он схватил ее за детскую кисть руки и потащил за собою. — И пока ты говорила, — задыхаясь от злости, продолжал он, — ты поджидала его! Взгляни!

Едва заметная бледная тень мелькнула за углом. Кто-то крался, осторожно пробираясь от дома к дому.

Жена Блея, освободив свою руку из тисков старика, напряженно следила вместе с ним за двигающейся тенью.

— Нет! — воскликнула она, наконец. — Это француз.

Фридель нервными шагами переходил последнее открытое место. Он остановился перед лестницей дома Туопа.

— Бай-чон? — обратился к нему старик с едва скрываемым любопытством.

Фридель знал язык Мои и пересыпал его словами аннамитов, но старик все же понял его. И когда он кончил, Туоп спросил:

— И ты хочешь, чтобы я дал тебе еду, чужестранец?

— Мой товарищ ранен. Они не дадут нам возможности покинуть дом до утра и мы вынуждены умереть от голода, если ты не выручишь нас.

— И если я выручу вас, вы все равно умрете от голода, — произнес Туоп вялым, безразличным голосом.

Фридель ухватился руками за бамбуковую лестницу и с силой потряс ее.

— Но ты понимаешь, старик, мой товарищ ранен и у нас ничего нет! Наши носильщики...

— Послушай, чужестранец! — произнес Туоп. — Всякий умный человек должен понять, что если я дам вам еду, они будут держать и мой дом под обстрелом и тогда мы все должны будем умереть с голоду. У меня имеется запас рису на три дня. Входи.

Фридель колебался и старик повторил свое приглашение более настойчиво. Фридель поднялся. В этот момент в дверях показалась женщина и старик сделал ей знак, чтобы она удалилась.

Когда Фридель уселся рядом со стариком, тот повернулся лицом к востоку. Над верхушками высоких тонких деревьев показался край лунного диска, огромного, красного.

— У нас не много времени, чтобы покончить наше дело.

Фридель с удивлением взглянул на него.

— Наше дело?

— Ну да, мы начнем с начала, с моей молитвы.

— Я ничего не понимаю! — произнес Фридель.

— Ты прервал мою молитву, испортил ее и боги Юмбра прогневались на меня за то. С тех пор на мою голову посыпались все несчастия, и в самом моем доме и вне его.

— Я очень огорчен — произнес Фридель смиренно.

— Мы вместе разделили это горе, — жутко ответил старик. Теперь другой вопрос: где мое серебряное кольцо?

— О, великий охотник, я совсем забыл про него. Я прошу прощения за свою горячность.

— Подожди, подожди! — произнес Туоп. — Люди всегда говорят такие слова, когда находятся в опасности. Твое сочувствие не вернет мне пропавшего кольца. Это священное кольцо хранится в нашем доме давно, оно перешло ко мне от моего деда. Кроме моего отца, никто не прикасался к нему.

Фридель растерянно провел рукой по своему лбу.

— Но я здесь непричем, мой друг. Я его не видел с той ночи.

— Твой повар-аннамит, словно обезьяна, рыскал около моего дома. Я поймал его и обыскал, но ничего не нашел при нем. Но, конечно, ты и он, вы знаете.

Фридель пустился в уверения, стараясь доказать старику свою непричастность к этому неприятному делу.

— Если мой аннамит имеет у себя эту вещь, он вернет ее тебе.

— Да я знаю, — произнес тихо Туоп, — но он мог так ее запрятать, что и сам не найдет.

— Мы тратим время на разговоры, — перебил его Фридель, — а я и сам ничего не ел с утра и мой раненый товарищ тоже нуждается в подкреплении.

— Третье дело, — произнес старик, словно не слышав слов Фриделя. — Будет ли совершено колдовство над моим народом?

— Колдовство? кто же делает его?

— Вы! Число всегда наводит чары. И мои это знают. Вы кладете на них число, я не знаю, кто вам велел это сделать. Нас это не касается. Ваш вождь есть только ваш. Наш вождь, немощный, но достойный почитания, из-за вас покинул свой дом. Вы велели поставить всех в ряд и каждого связать числом.

Фридель истерически расхохотался.

— Только из-за этого они и сбежали в лес?

— Конечно. Я также ушел бы, если бы не пропало мое кольцо. Хотя, по правде сказать, я не очень-то боюсь вашего колдовства.

Насмешливая улыбка пробежала по его старческим морщинам.

— Я смеюсь над этим, вот почему меня в моем племени называют нечестивым.

Фридель быстро заговорил:

— Теперь я выслушал все твои дела, уважаемый отец. Я приложу все старания, чтобы помочь тебе. Я обещал вернуть кольцо, если, конечно, найду его. Что касается числа, то это делается только для того, чтобы мой народ мог знать, сколько имеется людей в племени Мои, чтобы лучше жить в соседстве. Умные люди как вы и я, не видят в этом никакого колдовства.

Прошло несколько минут молчания, во время которого Туоп усиленно жевал свой бетель. Луна вырвалась из окутавших ее веток пальм, словно из тюрьмы, и ярко загорелась на темном небе, осветив ряды опустевших домов. Старый охотник, наконец, пришел к какому-то решению. Он встал, прошел в хижину и вернулся с горшком риса и яйцами. Все это он положил между собой и Фриделем.

— Теперь, — произнес он, — мы закончили нашу беседу. Прежде всего я должен сказать, что не верю, что вы не наводите чар.

Фридель стал протестовать, но старик перебил его.

— Я хочу еще говорить. Ты лучше выслушай меня до конца. Я не поверил тебе, но я не боюсь вашего колдовства. Мне даже занятно посмотреть, как вы будете это делать. Ты веришь мне? Я дам тебе и рису и воды на одном условии.

— На каком, Туоп?

— Завтра, едва только солнце поднимется над деревьями, ты выйдешь из своего дома на такое место, где весь народ Бан-Донг мог видеть тебя из джунглей.

— А их стрелы?

Туоп сделал нетерпеливый жест.

— Неужели же я хочу твоей смерти?

Он взял в руки небольшой горшок с водой, приготовленный для Фриделя, и, плеснув каплю драгоценной влаги на пол, переставил ее на другой конец.

— Я согласен, мой друг.

Туоп переставил горшок в его трясущиеся руки.

— Спеш! — произнес он. — Сейчас ты еще успеешь добраться до дома, пока луна за тучами.

Ослабевший Мерон с жадностью набросился на принесенную воду. Беп-Тои, который вылез, наконец, из своего злуполучного убежища, лежал на полу, растирая свои затекшие члены и вполголоса плача; он также получил порцию риса.

— Должен ли я сдерживать слово, которое дал этому подлому старику?

— Вы сказали, что дали обещание, мой лейтенант?

— Да, но...

— Тогда ничего не поделаешь!

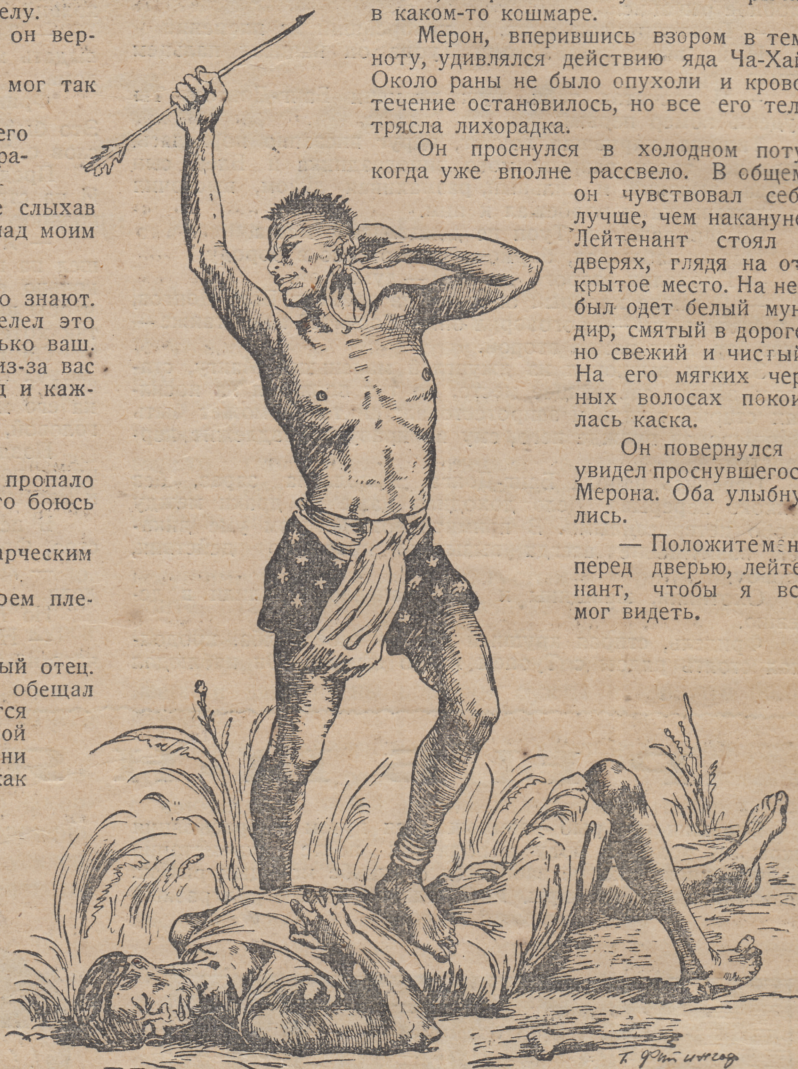
Мерон, у которого появился приступ лихорадки, знал, что его горячий начальник получил достаточно уроков в джунглях. Всю долгую ночь Фридель проспал, как убитый, а Беп-Тои, свернувшись подобно кошке, скрежетал зубами и рычал в каком-то кошмаре.

Мерон, вперившись взором в темноту, удивлялся действию яда Ча-Хай. Около раны не было опухоли и кровотечения остановилось, но все его тело трясла лихорадка.

Он проснулся в холодном поту, когда уже вполне рассвело. В общем, он чувствовал себя лучше, чем накануне. Лейтенант стоял в дверях, глядя на открытое место. На нем был одет белый мундир, смятый в дороге, но свежий и чистый. На его мягких черных волосах покоилась каска.

Он повернулся и увидел проснувшегося Мерона. Оба улыбнулись.

— Положите меня перед дверью, лейтенант, чтобы я все мог видеть.

Вытащил стрелу, снял с нее кольцо и вдел в свое ухо.

Никто из них не обратил ни малейшего внимания на Беп-Тои, который в страхе дрожал, не понимая, что они хотят делать.

Мерон наблюдал, как молодой лейтенант твердым шагом стал спускаться с лестницы. Около деревьев стоял Туоп, поджидая его. Медленно они оба последовали на открытое место. В джунглях никого не было видно и не проявлялось никакого интереса. Стояла прежняя тишина.

Мерон наблюдал, как оба мужчины остановились на открытом месте, ярко залитом солнцем. Когда Беп-Тои в паническом страхе выскочил из дома и бросился вниз по лестнице, он только слегка свистнул, продолжая напряженно следить за Фриделем. Туоп поднял высоко над головой свою правую руку. На его лице застыла торжественность.

— О, почитаемый чужестранец! — так обратился он к лейтенанту и его зычный голос разнесся далеко по деревьям и докатился до леса. — О, почитаемый чужестранец! Я, Туоп, охотник из племени Банг-Донгов.

Фридель поклонился. Это было вступление.

— Я такой же славный охотник, как каждый из нашего племени. Я не боюсь ни людей, ни зверей. Я не боюсь колдовства.

Фридель вновь поклонился и ответил, насколько умеет почтительно:

— Ты храбрый мужчина, Туоп! — и с некоторым вздохом добавил: — И храбр каждый муж племени Банг-Донгов. — Я не боюсь числа. Я пришел сюда, чтобы быть занумерованным. Прodelай свой обряд надо мною.

Мерон наблюдал в дверях дома, но его губы сохли и тело тяжелеело.

Фридель торжественно снял со своей головы каску. Его быстрый ум сообразил, какой фарс устраивает хитрый старик...

Обеспокоенные в лесу обезьяны повывлезли и издавали злобное рычание.

— Гиротяни твои руки, о, храбрый из племени!

И на вытянутой ладони Туопа он написал пальцем номер первый.

— Я сосчитал тебя, муж племени Банг-Донгов. Ты будешь номер первый.

Тишина, гавившая вокруг, вдруг внезапно порвалась. Раздался гтеск разрываемого виноградника и Блей, сын Туопа, высокий и сильный, размахивая луком, выскочил из кустарника и подбежал к ним.

Ни Фридель, ни Туоп не двинулись с места.

Мерон наблюдал, бормоча что-то себе в бороду.

— Прodelки старого дикаря! — думал он.

— Я также храбрый охотник из племени Банг-Донгов, о, чужестранец! — проговорил он. — Сосчитай меня также — **клао-бар**, муж номер второй.

За ним выскочил из джунглей маленький Мангу, стараясь занять следующее место, но тут появился на носиках старый вождь и запротестовал: никто не может быть занумерован прежде него, ему по праву принадлежит первенство.

Перепись народа Банг-Донга выполнена зараз, без всякого перерыва. Дело доходило даже до драки между особо нетерпеливыми. В примитивном детском уме дикарей возмущение всегда вызывало реакцию действия, борьбу.

Охотники, женщины и дети наперебой валили в деревню.

Фридель, стирая крупный пот со своего лба, продолжал стоять рядом с Туопом и его сыном. Он наблюдал

движение Мои и его сердце наполнялось радостью, а когда все было окончено, он произнес:

— Ты, Туоп, храбрый муж, ты спас жизнь мне и моему товарищу. С какой целью ты все это сделал? — спросил он.

— Я хотел испытать ваше колдовство.

— Наверное, были более важные причины?

— Были, бледнолицый. Я не хотел, чтобы мой народ навлек на себя гнев твоего племени.

— И ты не просишь за это награды?

Лицо Туопа изменилось, улыбка сбежала с его лица и глаза загорелись недобрым огнем.

— Да, прошу.

Фридель сделал жест готовности.

— Но что я могу дать тебе? У меня нет серебряного кольца, мой друг!

— Ты имеешь аннамитскую свинью. Я прошу в награду выдать мне его, чтобы я мог заколоть его во славу моего дома.

Фридель отступил назад. Кто-то громко рассмеялся. Это был Блей, лицо которого сияло радостью. Вместо слов он обернулся и указал рукой по направлению к дому.

Предприимчивый Беп-Тои снова лежал около столбов. И на стреле, вонзенной в его сердце, блестело серебряное кольцо.

— Я взял кольцо от отца, — произнес Блей, — когда шел на войну, чтобы вор не нашел его. Но видишь, я дал кольцо ему. Он, покинув своего господина, бежал к нам, чтобы выпросить прощения. Я дал ему кольцо, которое он так хотел получить.

Он поставил ногу на тело аннамита, вытащил стрелу, снял с нее кольцо и вдел в свое ухо. Кольцо заблестело на его мокрой бронзовой шее и голом плече, и он потряс головой, заставляя его качаться.

Позднее, когда Мерон немного оправился и отряд вернулся полностью, французы дружески расстались с Туопом и Блеем.

В первую же ночь дорожной стоянки у горящего костра, Фридель скромно говорил своему сержанту:

— Да, один человек знает теперь, как вести с ними дело.

Но Мерон мягко поправил его.

— Нет, мой лейтенант. Один человек знает только, чего не следует иногда делать.

Р Ы Б Ы - Н Я Н Ь К И

Большинство рыб размножаются путем выбрасывания икры и молок в воду и родители после икрометания обычно нисколько не заботятся о судьбе молодых рыб, развивающихся из икры. Есть, однако, целый ряд разных

Колюшка.

рыб, которые нянчатся со своим потомством более или менее долгое время после откладывания икры.

Самый простой случай заботы о потомстве наблюдается у некоторых речных рыб: они выкапывают на дне

Ариус с икрой во рту.

реки небольшие ямки, кладут в них икру и засыпают ее песком. У колюшки, наоборот, забота о потомстве

гораздо сложнее: самец за несколько дней до икрометания строит на дне гнездо из водяных растений, а когда самка отложит туда икру, он охраняет гнездо до тех пор, пока из икры не выйдут молодые рыбки. У одной африканской рыбы икра приклеивается родителями к подводным растениям и развивается в таком положении (см. рис.). Есть, наконец, рыбы, которые вынашивают икру на своем теле: у рыбы аспредо икра приклеивается к брюшной стороне тела, а рыба ариус держит икру во рту.

Морской рассказ О. ГАРДИ.— Рисунки В. СВАРОГА.

Зафрахтованный Лондонским Королевским зоологическим садом пароход Английской Индийской Компании «Бенгалия» с большим грузом зверей проходил в виду Мальдивских островов, в Индийском Океане, держа курс на Баб-эль-Мандебский пролив, когда его застал циклон.

На борту, кроме груза, находился персонал, обслуживающий зверей, во главе с директором сада сэром Арчибалдом Форрест, и несколько посторонних пассажиров.

Всегда бурный океан в этот раз был как зеркало. Темно-синяя, молчаливая гладь его уходила в ослепительные, маревые горизонты. Впереди на NW от курса рефракция высоко над водой подымала ажурные корзины лагунного архипелага с перистой пальмовой вязью корон по коралловым кольцам атоллов, отчего они казались висящими прямо в воздухе.

Наступал час обеда. Посмотрев еще раз на барометр, капитан приказал закрепить все клетки и накормить зверей до отвала ранее положенного времени. На ящики же со змеями кроме того положить усиленные найтовы, особенно на те, где находились семейства очковых и змей Клеопатры.

Совершив потом короткий обход вместе с Форрестом и своим помощником Чарльзом Брук всех помещений, чтобы убедиться в точности выполненного приказа, Уолтер Брейльсфорд распорядился приглашать всех к обеду.

Спокойствие, уверенный голос и каменное лицо капитана, обветренное, как бронза на памятнике Нельсону в Трафальгар-сквере, типичное для морского волка, с упорным ледяным взглядом стальных глаз, еще более убедили немногочисленных пассажиров и команду, что все обстоит благополучно и нет оснований даже для малейших тревог.

Ударил гонг, призывающий в столовую, на что притихшие, насытившиеся звери разом все ответили ревом и рыканьем джунглей и песчаных пустынь.

Спускаясь вниз, капитан многозначительно показал рукой Форресту на черно-синюю тяжелую тучу, быстро поднимающуюся с SO, как бы в догонку показавшемуся на запад солнцу.

Во время обеда, когда после сладкого разносился стюардом малайцем острый «рокфор», стало замечаться, как судно, спокойно скользившее до этого, начало понемногу подыматься и опускаться, глотнув несколько раз открытыми иллюминаторами пахнувшего морем и озоном ветерка. Потом к капитану при-

шел сверху в знойвестке и дождевике помощник и сказал ему что-то на ухо. Капитан ничего не ответил. И только когда обед кончился, встал, а за ним все, кто были в кают-компании, и отправился на мостик.

Здесь уже все переменялось. Океан теперь катился широкой, пологой зыбью за кормой парохода. Вода, вместо сапфирового, приняла зловеще-графитовый отлив. Небо потемнело и температура упала. Ветра не было, но местами по поверхности океана пробегала уже живая, веселая рябь. Солнце застигалось быстро несущимися обрывками туч, густых и черных на горизонте, откуда неслись отдаленные раскаты грома, как от орудийной пальбы. Под топот босых ног быстро был убран тент. По палубе протянуты штормовые леера и закреплены шлюпки, бухты и все, что было наверху.

Ждать пришлось недолго — вдруг над самой головой рывкнул страшный удар грома, одновременно с фиолетовой змеей молнии, рассекшей небо пополам. Пароход закланялся еще ниже, убегая от волны. Звери притихли и съежились. Особенно скверно, видимо, приходилось хищникам, на которых отражались разряды атмосферного электричества.

Скоро налетел первый порывистый с SSO ветер, который, перейдя на другой румб, внезапно затих. Но это была только минута, после чего бешенные порывы его беспорядочно понеслись со всех румбов. «Бенгалию» стало уже заметно подбрасывать сильными ударами волн в корму. На ют полетели пенные гребни. Еще момент — порывистый, крепкий ветер с SSO завертелся вихрем, завыл в снастях и все вокруг загрохотало.

От блеска непрерывных молний слепли глаза. Гром разрывался над самой головой. Там, где село солнце, пылало медно-красное зарево. По океану носилась теперь уже серебряная пыль. «Бенгалию» бросало, как щепку. Обезумевшие звери ревели так, что заглушали громовые раскаты.

Потом пошел ливень, заливший все огни на пароходе, который метался теперь среди пенных гор, как скорлупка, заглушая тысячу голосов обезумевших от ударов в стенки зверей — и рев океана и грохот перекачиваемых по палубе потоков воды.

Капитан, привязав себя, чтобы не быть смытым, не покидал мостика ни на минуту. Только изредка заходил в штормовую рубку, посмотреть на компас или барометр, стрелка которого, к его тревоге, продолжала падать, указывая на приближение центра циклона.

А его «Бенгалия» ведь уже старушка с проржавевшими бортами.

Снизу ему докладывал трюмный механик, что вода все прибывает и помпы не успевают откачивать ее, а здесь, наверху, он слышал, как жалобно стонали бимсы под ударами волн, отчего еще больше сжималось старое капитанское сердце.

Когда страшный озноб простоявшего несколько часов под холодным ветром и ливнем человека стал невыносим, Брейльсфорд оставил мостик помощнику с намерением зайти сначала к Форресту побеседовать с ним, а потом к себе в каюту переодеться и выпить стакан бранди.

С трудом удерживаясь за леер, окатываемый поминутно холодной водой, пробирался он среди клеток, откуда смотрели на него злобно-горящие зеленые огни.

От одной из них он в ужасе отшатнулся, когда почувствовал около самого своего лица горячее дыхание и увидел страшную пасть ягуара, сидящегося перегрызть железный прут клетки, о которую крошились его зубы, выплевываемые им из окровавленных десен.

В другом месте несколько гиен загрызли свою подругу и теперь с злобным ворчанием растаскивали внутренности, путаясь в них на качке, и пачкая свои грязно-серые бока в неостывшей еще крови.

Только несчастные оранг-утанги, как смертельно испуганные люди, прижимались лицами к решеткам и тянули свои длинные мозолистые руки, умоляя капитана помочь им, в то время, как гориллы рычали, кусали себя и бились тяжелыми телами в звериной злобе о толстые решетки своих темниц.

Рассчитывая найти Форреста в кают-кампании, капитан зашел туда. Но вместо него на диване увидел Джемса Грагам, клерка из Сингапура, отправлявшегося в Лондон к своей невесте, которого Брейльсфорд взял с собой из-за веселого, симпатичного характера и умения владеть скрипкой и пианино, для развлечения в море.

Спросив его о здоровье Брейльсфорд направился к себе в каюту, шагая через массу сброшенных предметов. С трудом открыв дверь, вошел в первую, служившую ему кабинетом. Не освещая, прошел дальше в свою спальню, где включил свет и приятно изумился, увидев все тщательно прибранным и закрепленным по своим местам. Поблагодарив в душе заботливого боя, малайца Каранга, Брейльсфорд стал переодеваться.

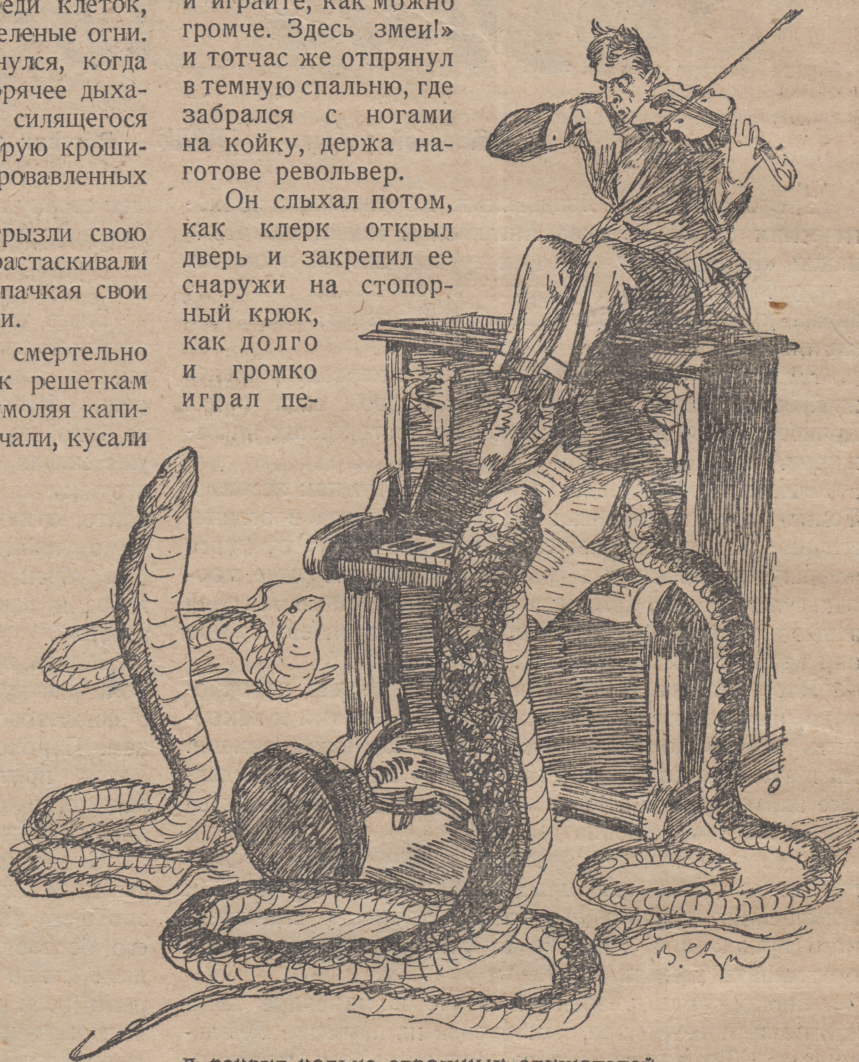
Сменив все, капитан, как хороший эквилибрист, придерживаясь за ремень на подволоке*), потянулся к походному буфетику, чтобы достать бутылку с бранди, как вдруг, сквозь плеск воды о борт, лизнувшей стекло иллюминатора, услышал сухой, гремучий звук, раздавшийся из кабинета. Брейльсфорд почувствовал, как у него зашевелились волосы на голове. Этот звук мог принадлежать только гремучей змее каменистых пустынь Америки, чудовищу в два метра длины! Он ей нужен там, в прериях, чтобы предохранить себя от раздавливания бизонами! И отличить сухой треск ее роговых колец на кончике хвоста можно из тысячи других тресков! Значит, выползли, проклятые! — мелькнуло в голове у капитана, и он,

тотчас же, положив в карман маленький револьвер, чтобы предупредить появление этих гадин, ползущих сюда к нему на свет, быстро погасил лампу, отодвинул бархатную портьеру, отделяющую спальню от кабинета и включил огонь в кабинете.

Здесь, при свете яркой люстры, глазам его представилась ужасная картина — в самом углу, скорчившись, с поднятым вверх желтым лицом, лежал мертвым его Каранг, а неподалеку целый клубок из свившихся лент переливал бронзовым отливом змеинных чешуй! Бежать нельзя было, потому, что они лежали у самого порога, шипя и подымая головы в его сторону.

Капитан только успел крикнуть: «Дорогой Грагам! Откройте ко мне дверь, возьмите вашу скрипку и играйте, как можно громче. Здесь змеи!» и тотчас же отпрянул в темную спальню, где забрался с ногами на койку, держа наготове револьвер.

Он слышал потом, как клерк открыл дверь и закрепил ее снаружи на стопорный крюк, как долго и громко играл пе-

А вокруг кольцо страшных елушателей.

редходя временами на пианино, когда сильные взмахи волн валили его и выбивали скрипку из рук. Потом услышал, как Грагам иступленно закричал: «Выползают!!»

Обрадованный Брейльсфорд хотел уже выходить из осады, как в этот момент какая-то холодная лента коснулась его руки, лежавшей на подушке. Брейльсфорд вскрикнул, потом быстро вскочил на ноги и включил свет. Прямо перед ним лежала кобра! Завидев человека, она приподняла переднюю часть тела, широко раздула шею, свирепо зашипела, свила в пружинную спираль хвост и уже собиралась прыгнуть на нарушителя ее покоя, как зачарованная вновь раздавшейся музыкой, вдруг застыла и закачала в такт ей головой, с маленькими, сверкающими рубинами, глазками.

*) Потолок.

Воспользовавшись ее каталепсией, капитан выпустил в нее несколько пуль, а когда голова ее безжизненно упала, он сорвал с койки одеяло, накрыл змею, бросил на пол и стал в иступлении топтать. Но когда случайно поднял глаза, то на белой простыне увидел еще несколько таких же лент. Вне себя от ужаса, забыв все, Брейльсфорд, как безумный, пробежал через страшный кабинет к Грагаму, преследуемый свистом, где увидел его, сидящим на пианино, а вокруг кольцо страшных слушателей с приподнятыми головами.

— Благодарю вас, сэр! Посидите еще так немного и поиграйте вашу «Песню джунглей». Только не свалитесь, пока я пришлю команду вывести отсюда эту страшную публику.

Выйдя наверх, капитан слышал, как из нижней палубы и главного трюма, где было размещено большинство животных, доносился страшный рев тысячи голосов, точно все леса Суматры, Индии и Бенгалии разрядились здесь на этом крошечном пловучем островке от своего тысячелетнего молчания, в самом сердце океана.

Торопливо пробравшись между клеток, он прошел на мостик, где распорядился немедленно снять осаду с Джемса Грагама.

Став на правом крыле мостика, капитан снова оказался среди пенных брызг, во власти ревушего океана, обдумывая, как ему уйти от урагана. Вдруг со стороны шкафута раздался резкий треск, а потом топот чего-то тяжелого, своеобразное хрюканье, снова треск, точно «Бенгалия» разламывается пополам, и затем, покрывающие рев океана, потрясающие гневные рокоты, которые, нарастая, приближались к мостику.

Не успев еще сообразить, в чем дело, капитан почувствовал, как его руку кто-то сжал сзади в могучие тиски. Обернувшись он увидел мохнатое тело и страшное лицо оранг-утанга прямо перед собой. В этот момент чудовище выпустило его руку и, дрожа всем телом, с тихим визгом полетело ему под ноги.

Рука потянулась за револьвером. Но в ту же секунду что-то рывнуло около самого его уха так, что у Брейльсфорда все оборвалось внутри. Присев от неожиданности, он почувствовал теплое дыхание, отдающее свежим мясом, и увидел пару зеленых огней большого зверя, горящие у самых его глаз. Револьвер выпал, в то время, как рука оперлась о мокрую, густую шерсть. Но... секунда и от сильного удара волны судно резко повалилось, а с ним с глухим урчаньем покатились и зверь, который, в увлечении погоней за оранг-утангом, попал неожиданно для себя на мостик.

Поняв, что это тигр, Брейльсфорд быстро оценил обстановку и полную невозможность сопротивляться. Поэтому спасение своей жизни решил поручить судну и океану. Громко скомандовал рулевому поставить пароход лагом к волне, он с трепетом ждал момента, когда судно перекатится на новый курс. Нужно было, чтобы это случилось раньше, чем тигр придет в себя от первого случайного удара. С радостью он заметил, что «Бенгалия» перешла на бортовую качку, но зато чудовище катилось теперь прямо на него, царапая и задирая палубу когтями, в то время, как он не мог оторваться от державшего его за ноги оранг-утанга. На его счастье тигра пронесло мимо и он, больно ударившись о пиллерс, взвыл и через секунду покатились обратно к левому крылу мостика, делая тщетные попытки подняться на ноги. Так продолжалось до тех пор, пока тигр не ударился в один из своих полетов о мохнатое чудовище и не хватил его за ногу, отчего тот взревев, выпустил ноги капитана и одним прыжком взлетело на ванту.

Воспользовавшись моментом, капитан забежал в закрытую рубку рулевого, куда вслед за ним влетел, с искаженным от ужаса лицом, один из его помощников и доложил, что сорвавшиеся вниз слоны и носороги мечутся по палубе и сокрушают все. Вести одна другой страшной полетели на мостик. Форрест оказался осажденным. Кто-то растерзан. Офицеры вместе с командой не могут в темноте справиться с бунтовщиками. В довершение ужаса целая лавина людей с диким криком: — «Берегись! Тигры идут сюда!» полезла приступить на мостик.

Поняв, что гигантские туши слонов давят на размашистой и стремительной бортовой качке клетки других зверей, капитан приказал приводить на прежний курс, а тем временем отнять снимающиеся части фальшборта, чтобы потом новым поворотом вывалить животных за борт.

С опасностью для жизни несколько смельчаков бросилось исполнять приказание в самую гущу зверей. Точно почуввав зареявшую над ними смерть, слоны распластались на юте, а носороги заклинились в узком проходе между бортами с уцелевшими клетками и палубной надстройкой. Только в нижней палубе стоял еще неистовый рев и раздавался хруст разгрызаемых костей, да несколько тигров тенями проскользнули в темноте и где-то попрятались.

В это время один из офицеров Томас Гарвей заметил, что на спардеке громадный горилла почти распал толстый прут своей клетки. Тотчас приказал боцману, стоявшему рядом с ним с топором, постараться обрубить буяну руку. Балансируя и цепляясь за что только можно, боцман долго пытался нанести верный удар, но, покачнувшись в тот момент, когда перекладывался руль, навалился на решетку. Этого было достаточно, чтобы расвирепевшее животное одним крепким ударом разможило ему голову, а топор, выпавший из рук боцмана, увлекло к себе в клетку.

Все с ужасом ждали дня. Рассвет, как всегда в тропиках, наступал внезапно. Пасмурное небо и крепкий ветер не предвещали скорой перемены погоды. Но циклон прошел. Картина, которую представлял из себя мятежный корабль после ночной бойни, была потрясающая. Всюду разбитые клетки. Палуба залита кровью, завалена тушами и внутренностями растерзанных, среди которых ходили и ползали звери, огрызающиеся друг на друга и сбивающиеся в отдельные группы. Многие не растерялись и принялись тут же за завтрак. Особенно усердствовала пара великолепных бенгальских тигров у кормового люка. Ягуары, — те еще продолжали схватываться между собой. Только слоны, отвоевав себе место на юте, держались довольно спокойно, да носороги, стоя в своих убежищах, свирепо похрюкивали и зорко следили налитыми кровью глазами за всяким движением.

Решено было начать освобождать сначала палубу от мятежников, загоняя их горячим паром, пожарными шлангами, раскаленными прутьями и расплавленной смолой, обратно в клетки и в нижнюю палубу.

Начали с полумертвого тигра на мостике, пока тот не пришел в себя. На него просто накинули судовой парусиновый пластырь, укутали, сволокли в клетку на спардеке, где и вытряхнули.

Всех хищников подгоняли горячим паром или же смолой, направляя их по клеткам и трюмам.

Обезьян поймали на их любопытстве и разными прианками водворили по местам.

Носорогов забили там, где они стояли, массивными бревнами и железными перекладинами,

Слонов же, когда днем выглянуло солнце и накалило палубу, долго поливали из пожарных шлангов за-

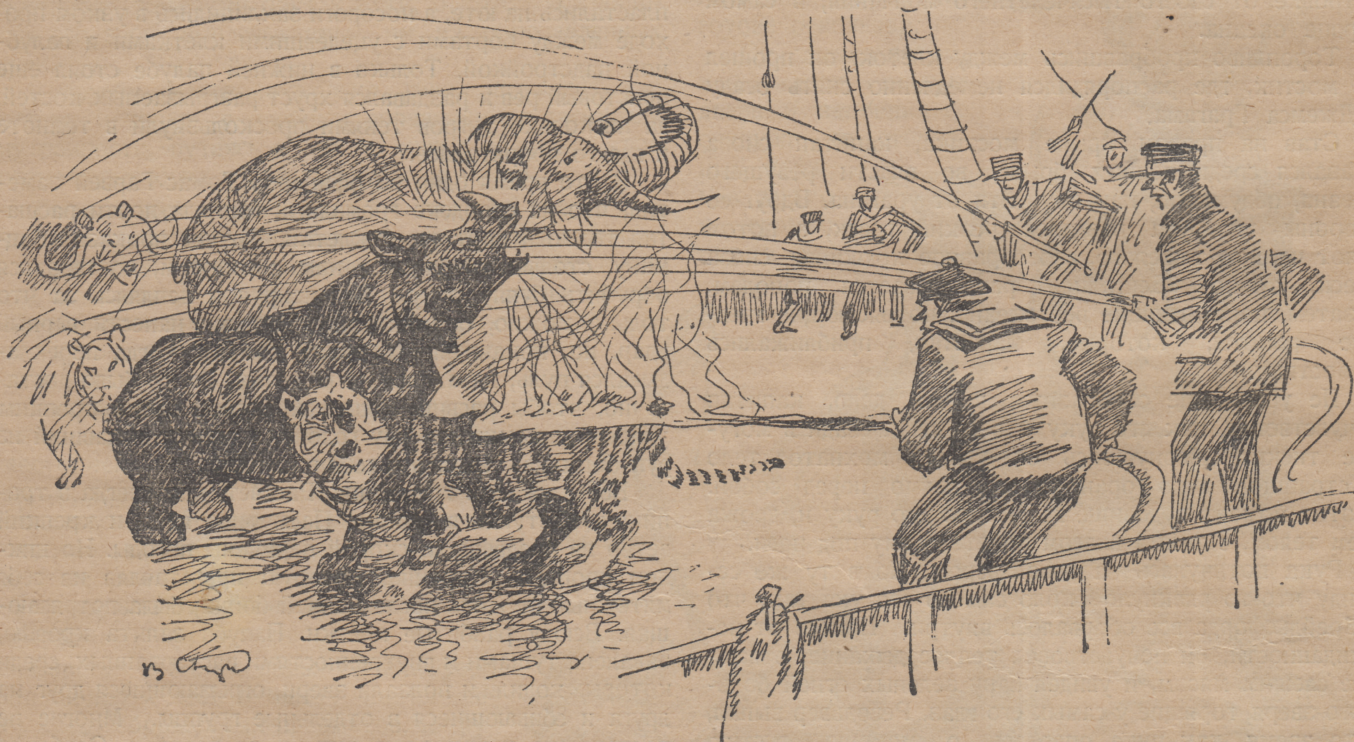
бортной водой и, пока они блаженствовали под душем Шарко и от удовольствия урчали, незаметно для них приковали за ноги.

Пока шла эта медленная и опасная работа, машинисты, истомленные духотой, приподняли немного лок. Едуч в мгновение ока по поручням крутого трапа к ним спустился гигантский горилла. Не обращая внимания на озадаченную команду, он схватился рукой за какую-то движущуюся часть машины, которая его больно ударила. Приняв ее за врага, горилла в слепой ярости подхватил тяжелый лом и начал дробить все. Придя в себя, команда попыталась оказать ему сопротивление, но бешеный свист лома загнал ее по углам. Тогда механик, сообщив на мостик о погроме, решил свистом вытравляемого пара испугать громилу, но тот пришел еще в большую ярость и парой удач-

только разобрали баррикаду, как огромнейшая тигрица, вышибив ударом лапы дверь, тенью пронеслась мимо подстерегающих ее и теперь металась у грот-мачты, на которой сидел горилла.

Чтобы покончить с ним, кто-то предложил, зная любовь горилл к потомству, пожертвовать его детенышем. Собрались стрелки. Был принесен выжженный из клетки робкий, прижимающийся детеныш и брошен тигру. Но как только тот подмял жертву под себя, мать в мгновение ока опустила вниз и вцепилась в врага. Началась смертельная схватка. Прибежавший Форрест умолял капитана оставить ему гориллу в живых, как самое ценное животное из всего груза. Пока те катались по палубе, заливая ее кровью, одному из команды удалось ударом топора добить тигра, а израненного гориллу накрыли тем же пластырем и снесли в клетку.

В это время капитан Брейльсфорд получил три донесения — в машине все исправлено и ждут приказания подымать пары; в море показался большой пароход,

Загоняя их горячим паром, пожарными шлангами.

ных ударов перебил паропроводную трубу, после чего ошпаренный вылетел вверх и забрался на грот-мачту.

«Бенгалия» стояла теперь, до исправления повреждений, в открытом океане, беспомощно раскачиваемая высокой зыбью.

Тем временем началась очистка внутренних помещений от остатков бунтарей, где расплзлись змеи и, по сведениям, в кают-кампании засел тигр, которого никакими способами не удавалось вызвать оттуда. Тогда забаррикадировали дверь, чтобы открыть каюты в коридор, откуда выпустили потерявших всякую надежду на спасение людей, а уснувшего в кают-кампании тигра решили пристрелить через иллюминатор. Но так как он спрятался, а судьба клерка Грагама, каюта которого выходила в кают-кампанию, сильно беспокоила всех, то решили вызвать тигра из засады. Но едва

который держит курс прямо на них, и бунт зверей усмирен, но в одной из клеток в нижней палубе обнаружены под соломой костяки двух матросов, загрызенных ягуарами, а в кают-кампании под диваном найдена только кисть руки с перстнем, оставшаяся от клерка из Сингапура, веселого, симпатичного Джемса Грагама, торопившегося в Лондон к своей невесте...

Омытая и блестящая на солнце, в яркий, знойный день вошла «Бенгалия» на рейд Адена, с свободным сранг-утангом на рее, и чеком в боковом кармане капитана Уольтера Брейльсфорда на 500 фунтов стерлингов из Лондонского Национального Банка, выданным ему за распорядительность сэром Форрест, который в этот же день с гордостью показывал прибывшему на борт губернатору своих, ставших отныне знаменитыми, тигров и ягуаров-людоедов...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КЭТЛЬ

Рассказ К. ХАЙН.

Рисунки Г. Фитингофа.

Побег.

— Вы обратились не по адресу! — сказал капитан Кэтль.

Правда, я порядочный профсоюз, но все же не до такой степени, чтобы из-за одного спортивного интереса пробивать лбом стены французской каторжной тюрьмы.

— Мне сказали, — устало отвечал Карнэджи, — что вы человек, который не знает страха. Иначе я никогда не осмелился бы потревожить вас.

— Вам сказали сущую правду, — ответил Кэтль. — Но этим людям следовало бы еще добавить, что в подобные предприятия я не ввязываюсь, если отсутствует определенная материальная выгода. Я — моряк, сэр! Это мое ремесло или призвание, назовите, как хотите. И если я захожу на борт парохода, то не отрицаю, что попадаю иногда в весьма скверные истории и, вылезая из них, доводил дело до конца не без удовольствия. Но то, что вы мне сейчас предлагаете, — совсем иная статья: это — не по моей части. Дело идет о том, чтобы устроить побег заключенному. А если оно не удастся, то я сам обеспечу себе семь лет отдыха в каком-нибудь надежном местечке. Если же, наоборот, оно выгорит и мне удастся все выполнить согласно вашим желаниям, то в этом для меня не будет ни особенной чести, ни кредита, ни денег. И разрешите спросить вас, наконец, почему я собственно должен интересоваться этим мистером Клэр? Полчаса тому назад, направляясь сюда по вашему приглашению, я совершенно не знал, что такая личность существует.

— Его осудили несправедливо, — ответил Карнэджи таким тоном, будто повторял наизусть затверженный урок. — Заключенный в это зачумленное место, Кайенну, он должен отвечать за проступок, никогда им несовершенный. Если его не освободить, он обречен на постепенную и ужасную смерть. Я взываю к вашей человечности, капитан. Неужели вы можете спокойно смотреть, как ваш земляк подвергается подобной несправедливости?

— Странная моя судьба! — ответил Кэтль. — Если где-нибудь случится беда, а я нахожусь поблизости, то всегда за помощью обращаются именно ко мне. Прошу вас, однако, согласиться, м-р Карнэджи, что порукой в невиновности м-ра Клэр является одно только ваше слово. Но французские власти, как вы сами говорите, держатся совершенно иного мнения. Они твердо настаивают, что он продал план крепости немцам. Правда, это утверждение в одном мне кажется сомнительным: если преступление доказано, почему ему тут же не оттяпали голову.

— Моя дочь вполне убеждена в его невиновности, — ответил Карнэджи, краснея, — и должен вам признаться, что это она, главным образом, желает его освобождения.

Капитан Кэтль поклонился и коснулся рукой побледневшего золотого шнура на своей фуражке. Рыцарская почтительность к женщине была его врожденной чертой.

— И по ее же настоянию я сделал это объявление: «Нужен моряк, обязательно мужественный и находчивый, чтобы провести рискованное предприятие». И с четвертой почтой мы уже имели двести предложений. Представляете вы себе нечто подобное?

— Вполне! — ответил Кэтль. — Что я не один мыкаюсь без работы, это я себе отлично представляю. Но ста фунтов стерлингов недостаточно и этим все сказано. Ведь есть два пути для выполнения такой задачи: открытая борьба или подкуп. Ну-с, м-р Карнэджи, с двадцатью пятифунтовыми кредитками особенной армии не соберешь, а для взятки такой суммы едва хватит, поскольку я знаком с деловым миром, чтобы задобрить одного таможенного инспектора, не говоря уже о целой стае других чинов.

ников. Затем, сюда же надо причислить поездку к французской Гвиане, и обратно; уже одно это стоит уйму денег. А что же остается мне, в конце концов? Вы сказали, что остаток я могу себе взять. Я бы хотел знать, откуда появится этот остаток? Нет, м-р Карнэджи, со ста фунтами здесь абсолютно ничего не сделаешь. Такое предложение я счел бы по отношению к себе сущей наглостью, если бы вы не сказали мне, что вся идея исходит от дамы.

Капитан Кэтль поднялся и надел свою фуражку, но в тот же момент снова снял ее и смущенно кашлянул. Дверь распахнулась и молодая девушка, о которой только что шла речь, вошла в комнату. Быстрыми, эластичными шагами она направилась к нему и протянула руку.

— Г-н капитан! — сказала она. — Я не могу отпустить вас, чтобы сперва лично не поблагодарить вас. Я же знала, что вы нам поможете в нашем горе. Я это видела уже из вашего письма.

Маленький моряк еще раз откашлялся и слегка покраснел.

— Боюсь, мисс, — ответил он, — что вы ошиблись. Как я только что говорил м-ру Карнэджи, я не в силах выполнить это дело. По содержанию вашего объявления я решил, что дело идет о пароходе и потому с любой командой я гоюсь лучше всякого другого. Однако, здесь...

— О, не говорите, что не можете! Это не первый раз, что заключенные убегают из французских каторжных колоний. Если с самого начала дело возьмет в руки сильный, решительный мужчина, то все закончится благополучно.

Кэтль усиленно завертел свою фуражку.

— Простите, мисс! — сказал он. — Что сумеет сделать другой, сделаю и я, но ведь здесь требуют почти невозможного. Этому джентльмену, по всей вероятности, придется высидеть весь положенный срок.

— Но подумайте, капитан, — горячо возразила молодая девушка, — подумайте только, ведь он невиновен. Козел отпущения для других влиятельных людей. Вместо настоящих виновников осудили они его и все только потому, что вся Франция в гневе требовала какой-нибудь жертвы. Мистер Клэр служил в бюро рядовым чиновником и планы крепости только прошли через его руки. Но по рождению он наполовину англичанин, а потому его тотчас же заподозрили. Чтобы хоть как-нибудь отвлечь внимание от подлинных воров, подтасовали всевозможные уличающие его фальшивые бумаги, а затем сослали пожизненно на этот ужасный «Остров Спасения». На всю жизнь, капитан! Можете ли вы себе представить более страшную участь: провести все годы в таком кошмарном месте, в таком убийственном климате?

— М-р Клэр должен быть счастлив, имея такого друга.

— Друга! — повторила она. — Разве мой отец не сообщил вам, что я его невеста? Теперь вникните только в эту иронию судьбы. В тот самый день, когда мы хотели обвенчаться, его арестовали. Деньги моего отца и мои собственные ушли на то, чтобы защитить его. Мы почти разорились, но без всякого результата, и вот теперь я решила отдать последнюю копейку, но во что бы то ни стало освободить его.

Капитан Кэтль снова откашлялся.

— Но тут вся суть в денежном вопросе, в котором я не схожусь с м-ром Карнэджи. Я сказал ему, что со ста фунтами даже и мечтать нечего.

— Их должно хватить! — воскликнула девушка. — Вы считаете нас жадными, но большего мы дать не можем. Наши средства иссякли. Посмотрите на эту комнату, разве она выглядит богатой?

Действительно, вся маленькая и темная квартира на третьем этаже улицы Нью-Кэстль даже в отдаленной мере не напоминала о простом достатке своих хозяев. Рваные обои на стенах, а из коридора доносился смешанный запах стирального белья и поджаренного лука.

Сам Карнеджи был сгорбленный мужчина лет пятидесяти, красивое же лицо его дочери носило отпечаток печали и забот. Сердце капитана невольно сжалось: уже слишком хорошо ему самому была известна эта проклятая бедность. И все же с такими деньгами за дело взяться было нельзя; это он и высказал прямо молодой девушке.

— Это невозможно, если я даже собственный заработок для жены и детей исключаю отсюда и буду смотреть на дело так, как будто я сам брат м-ра Клар. Со ста фунтами ровно ничего не сделаешь.

Ломаю руки, девушка обернулась к своему отцу.

— Тогда, — сказал Карнеджи с глубоким вздохом, — я попробую наскрести сто двадцать, хотя после этого нам придется голодать. Но это уже последнее, капитан, большего я достать не в состоянии.

Капитан Кэтль был человек рыцарских убеждений. Он мучительно переживал всю безнадежность задуманного дела, но он не мог повторить своего отказа бедной девушке, которая с отчаянием опустила на одно из потрепанных кресел.

— Если вы не можете мне, капитан, — молила она, — то у меня не останется уже ровно никакой надежды.

Кэтль отвернулся. Он все еще ковырял пальцем поблевший от времени значек на своей фуражке и угрюмо смотрел в мутные оконные стекла. В комнате воцарилось молчание, прерванное, наконец, самим Карнеджи.

— Соглашались и другие люди, — заметил он.

— Это я отлично знаю! — ответила его дочь. — Их письма я так же читала, как и письмо капитана Кэтль. Но из всех ответивших единственно может помочь нам лишь тот, кто находится сейчас в этой комнате. Когда я прочла его письмо, то мне показалось, будто я уже знаю его с детства, хотя раньше я никогда ничего не слыхала о нем. Я почувствовала, что только он, и никто другой в мире, может оказать нам эту большую услугу. О, капитан! — продолжала она, круто повернувшись к маленькому моряку. — Я увидела из письма, что вы поэт и мне чувство подсказало мне, что подобный мужчина сможет выполнить вещи, которые всякому другому не удадутся из-за чересчур практического взгляда на жизнь.

— Значит, вы любите поэзию, мисс?

— Я пишу сама и иногда из моих стихов кое-что печатается.

— Позвольте вы мне пожать вам руку? — спросил капитан Кэтль.

— С удовольствием, — ответила она, — если это будет означать заключение нашего контракта.

Капитан Кэтль протянул ей руку.

— Идет, мисс! — сказал он. — Мне уже пришлось однажды действовать против правительства и в общем я не плохо справился. Почему бы мне не удалась это и вторично? Вы можете быть совершенно спокойны. Продол-

жайте писать стихи и дальше. Но только позаботьтесь, чтобы их печатали в наших ежемесячниках вместо всех этих приевшихся авантюрных историй. Красивые маленькие стихи о природе и деревенской жизни, которые рассказывают вам, как выглядит закат солнца, как растет пшеница в поле и т. д. Я примусь за дело с тем сознанием, что вы за это время будете писать и таким образом облагораживать вкусы публики. Конечно, эта крошечная сумма денег нам мало поможет, но в одном будьте уверены: каким-нибудь манером уж я переберусь во французскую Гвиану, хотя бы мне пришлось стать простым матросом. Я добуду вам этого джентльмена из его каземата и в самом добром здравии посажу на борт какого-нибудь британского корабля. Требовать от меня чудес вы, конечно, не будете, мисс, но я настолько близко подойду к границам невозможного, что вам это покажется чудом

* * *

Существует на Карибском море островок, похожий на панцирь черепахи, настолько маленький и голый, что на картах имя его никогда не обозначается. Английские гидрографы помечают его крошечной черной точкой, американский же картограф идет еще дальше и называет это место «Мелководье», откуда можно было бы ошибочно заключить, что во время больших приливов он покрывается водой.

Этот кусочек земли имеет в длину около ста восьмидесяти шагов и, хотя море не может затопить его, он лежит настолько низко, что даже при небольших волнениях каждый вершок его поверхности обдается тучей разлетающихся брызг.

Это место еще никогда не служило, по всей вероятности, обиталищем для человека, пока капитан Кэтль не вырыл в середине его черепахоподобной поверхности безопасного для себя убежища.

Однако, по соседству отсюда жили люди и, когда затихал ветер или же дул на островок, то до слуха капитана Кэтль доносились отрывистые

звуки. То были отчаянные крики французских каторжников, ибо всего на расстоянии выстрела находился покрытый лесом остров, принадлежавший ксылным колониям Кайенны. Правда человеческие страдания не производили на капитана Кэтль большого впечатления. Он находился здесь на основании своего контракта с мисс Карнеджи, а что его предприятие проходило до этого не так уже безопасно, свидетельствовала розовая полоска на виске, оставленная пролетевшей пулей. Теперь требовалось еще некоторое время для следующего шага в его прекрасно продуманном плане и вот эти вынужденные часы бездействия капитан Кэтль по своему обыкновению посвящал литературе.

Согнувшись в три погибели, сидел он в своей песочной яме с погасшим окурком сигары в зубах и на забрызганном морем куске бумаги писал стихи. Ядро револьверного патрона служило ему карандашом. И, по всей видимости, когда счастье не особенно ему улыбалось, муза его была к нему более милостива, чем обыкновенно.

Я же знала, что вы нам поможете в нашем горе.

Пересказ решительно всех приключений маленького капитана после его отъезда из Нью-Кэстля потребовал бы целой толстой книги.

А потому читатель пусть удовлетворится тем, что, в конце концов, наш капитан добрался до французской Гвианы; как — это его дело, равно как и то, каким образом ему удалось инкогнито добраться до Кайенны, пока его не остановили тамошние жандармы, с которыми ему пришлось обменяться несколькими pistolетными выстрелами. Одно только можно сказать, что вся колония, начиная с ее начальника и кончая последним арестантом, пришла тогда в лихорадочное беспокойство. — А потому он вынужден был свою главную квартиру расположить в кустарнике у болота, чтобы оттуда закончить свои приготовления. Он находился в препаскудном положении и только под конец, когда кровожадные москиты почти свели его с ума, ему удалось вылезти из своего тинистого бивуака и проскользнуть между змееподобными корнями деревьев. Он нашел парусную лодку, усадился в нее и, оставшись победителем в упорной схватке с ее обладателями, оставил это проклятое место.

Возможно, что такой образ действия маленького капитана читатель назовет простым грабежом, пиратством. Однако, Кэтль по отношению к французам с Кайенны смотрел на себя, как на «воюющую сторону» и поступал соответственно тому основному правилу, что во время войны все разрешается. Он так же мало испытывал угрызения совести, отнимая эту лодку, как некогда адмирал Нельсон, отбирая у французов, в бухте Абукира, их фрегаты.

В прорезающей кустарник лагуне он поручил одному из своих агентов спрятать некоторое количество консервных банок. Под покровом ночи он съездил туда и прочно упаковал их в ящик своей лодки. Затем, опять скрываясь в благоприятной темноте, он направился к берегу черепаховидного островка, где свою лодку запрягал в песочную прогалину, а себе вырыл пещеру. Там его никто, кроме морских птиц и ветра, видеть не мог и там он стал дожидаться условленного часа.

Днем его палило солнце, ночью он промокал от морского тумана вплоть до мозга костей, особенно же в бурю, когда через всю поверхность острова ветер нес с моря тучу колющих соленых брызг. Кроме того, его то и дело мучили припадки лихорадки — результат его пребывания среди вонючих мангровых болот; мучили его настолько, что было бы вполне простительно, если бы он от всего сердца послал мисс Карнэджи ко всем чертям. Однако, он все терпеливо сносил, чтобы его доверительница могла беспрепятственно писать свои стихи для британских еженедельников. Впервые в своей жизни капитан Кэтль чувствовал себя покровителем свободных искусств и это сознание заставляло его не обращать внимания на свои страдания.

Ему удалось, наконец, переправить в арестантскую записку, в которой он дал ему двухнедельный срок для необходимых приготовлений. И вот теперь эти четырнадцать дней прошли. Капитан Кэтль свернул свои рукописи и адресовал их на имя мисс Карнэджи, на тот случай, если с ним что-нибудь случится. В свою фуражку он засунул револьвер, а затем надел ее; из своего костюма он оставил на себе одни льняные подштанники. В таком виде он вылез из своей пещеры и пошел по теплему песку к воде. Ночь для планов Кэтля была слишком тихая и ясная. Его устраивал бы больше дождь и он согласился бы даже на умеренный шторм вместо этой прекрасной погоды. Он вошел в пустынное море и мерным темпом поплыл к лежащим перед ним очертаниям возвышавшегося из воды «Острова Спасения».

Выполнение этой части всего предприятия требовало не только безумной храбрости, но и поистине железных нервов. Нигде во всем мире не охраняются заключенные так ревниво, как в этой, прямо лежавшей перед отважным пловцом, проклятой колонии. Арестанты там преимущественно фальшивомонетчики, убийцы или, что для французов всего ненавистнее, предатели и политические шпионы. Все они осуждены на пожизненное здесь пребывание. Кто раз вступил на берег этого острова, тот уже никогда больше его не покидал. Тяжелая работа в убийственном климате — такова была участь несчастных до тех пор, пока смерть милостиво не освобождала их от страданий.

Такое отчаянное положение создает отчаянных и на все готовых людей. Каждый из заключенных, даже самый большой трус, не задумался бы ни на минуту поставить свою жизнь на карту, только бы выбраться из этого ада. Все это было прекрасно известно начальнику колонии и потому он окружил весь остров сторожевой цепью, состоящей из испытанных стрелков, которые

также спокойно прикончат заключенного, как охотник своего рябчика.

Окружавшие капитана Кэтль опасности увеличивались еще морем, которое именно в эту ночь отливало необычайно сильным фосфорическим светом. Длинная полоса струящегося огня тянулась за пловцом, а тело его при каждом движении сверкало подобно золотой вышивке на черном бархате, представляя собой удобную точку прицела для ружей караула, а также светящуюся приманку для многочисленных акул Карибского моря. И вот среди всех этих чудовищ плыл маленький капитан и ужас пробегал по его членам. Если он поплывет быстрее, то этот фосфорический свет усилится, если же медленнее, то еще дольше ему придется испытывать смертельный ужас. Однако, ни разу за все время своего плавания, не сделал он неравномерного движения, ни разу не заплескался в страхе. Один час и еще полчаса — они показались ему вечностью — нужны были ему для того, чтобы покрыть расстояние, которое при других обстоятельствах он проплыл бы всего за один час. Когда же, наконец, его ноги опять коснулись дна, то даже его железные нервы не выдержали: почти в обмороке упал он на берегу «Острова Спасения» и некоторое время лежал, растянувшись на песке, рыдая подобно истеричной институтке.

Но тут его слух коснулся звук и тотчас же его члены вновь обрели всю свою прежнюю энергию. Издалека раздавался шум мерных шагов по песку, медленная и тяжелая поступь сторожевого поста.

Инстинктивно рука Кэтля вытащила револьвер из фуражки, затем он поднялся и, белым призраком пронесшись по песочному берегу, нырнул в кусты. Лежа там и сдерживая дыхание, он следил за возвращавшимся с обхода солдатом. Очевидно, тот его не заметил, как не обратил внимания и на оставленные им в песке следы.

Кэтль подождал, пока солдат не скрылся в темноте и шаги его не замерли вдали. Тогда он вскочил и со всех ног помчался по слабо освещенному звездами берегу. Птицы в лесу начинали беспокоиться, когда он пронесся мимо их ночного обиталища. Как настоящему моряку, всякие хитрости и уловки охотника в нахождении тропинок были совершенно незнакомы этому маленькому сорви-голове. С револьвером в руке он прямо шел к намеченной цели.

На этот раз счастье, повидимому, ему улыбалось. Слепой случай помог ему незаметно пробраться в темноте леса сквозь шнырявшую взад и вперед сторожевую цепь. Наконец, тяжело дыша, маленький капитан остановился у края открытой площади, в середине которой хмуро возвышалась казарма заключенных. И тут началось самое ужасное ожидание. Правда, был тот день, о котором капитан уговорился с Клэр, но час, когда беглец должен был встретиться со своим освободителем, не был точно обозначен. В своей записке Кэтль ограничился указанием: «ближе к полночи». Во всяком случае, человека этого на месте не оказалось и от нетерпения Кэтль кусал пальцы.

В лесу трещали кузнечики, жужжали слепни и зудили москиты; они издали еще учуяли голого человека и теперь нападали на него целыми роями. В окружающих испарениях он с трудом мог дышать. Из каземата раздавался шум мужских голосов; беспокойно ворочались несчастные люди на своих постелях. Из-за крепких стен до слуха капитана доносился возглас одного из них: «О боже!»

Прошел час и все еще не было слышно ни одного звука, указывавшего на то, что один из арестантов сделал попытку к бегству. Когда же прошел и второй час, капитан Кэтль принялся взвешивать все шансы прямого нападения на тюрьму. У него форменно чесались руки от нестерпимого желания силой освободить своего питомца. И попрежнему кричал за стенами жалкий голос свое неизменное: «О боже!» Вдруг из-за угла каземата вынырнула фигура и бегом направилась в его сторону, дико оглядываясь по сторонам. Кэтль вышел из своей засады. Беглец увидел его и в нерешительности остановился. Маленький моряк кивнул ему, протягивая свою руку.

— Я имею удовольствие видеть перед собою м-ра Клэр?

— Да.

— Очень рад познакомиться с вами. Я — капитан Кэтль и нахожусь здесь по просьбе мисс Карнэджи, чтобы...

— Скорее вон отсюда! Каждую минуту они могут хватиться и, если меня поймут, я буду расстрелян. Скорей, где ваша лодка?

Но маленький подуголый мужчина не тронулся с места.

— Я привык, м-р Клэр, — заметил он сухо, — чтобы меня называли, как подобает.

— Простите, капитан Кэтль, бежим скорей; дальнейшая задержка может стоить нам жизни.

— Я вовсе не прирос здесь, м-р Клэр! Что же касается лодки, то раньше, чем вы в нее влезете, вам предстоит еще хорошенькое путешествие вплавь. — И он описал ему способ своей переправы. — Иначе никак нельзя. Нельзя же притащить сюда лодку, где караул крутые сутки носится по берегу со своими ружьями. Лодка осталась на моей главной квартире. А теперь приготовьтесь плыть, рискуя быть пойманными акулой.

— Я готов на все! — ответил Клэр. — После того, что я сделал в казарме пять минут назад, мне ничего другого не остается. Лучше смерть, чем дать себя опять утащить в эту яму. Одного из сторожей я... — он оборвал и провел рукою по глазам. — Однако, капитан, если мы победим здесь вдоль берега, то нас обязательно увидят. Следуйте за мною; я знаю получше дорогу через кусты.

И не дождавшись ответа, он прыгнул в кустарник и помчался, как угорелый, с нахмуренными бровями капитан Кэтль последовал за ним. Он предпочитал сам вести все дело, а этот молодой человек без всяких обиняков забрал его в свои руки. А время не ждало; ночь стала заметно светлее. И прыгая через кусты с ловкостью дикой кошки, капитан Кэтль решил пока подчиниться распоряжениям этого сбегавшего арестанта.

Некоторые люди обладают способностью, без всякого с их стороны повода, внушать другим определенную антипатию. Так случилось с мистером Клэр и капитаном Кэтль. Уже при их первой встрече маленький моряк не мог отделиться от инстинктивного к нему отвращения, а во время их усердного бега по лесу это чувство еще усилилось. И даже тогда, когда Клэр упал на попавшегося им на дороге караульного и обезвредил его оглушительным ударом кулака, даже тогда, он не мог найти в себе теплого чувства к этому джентльмену.

И пока они плыли к черепаховидному островку, капитан Кэтль поймал себя на желании, что хоть бы акула потащила вниз его соседа. Весь следующий день они пролежали в вырытой яме, точно сардинки в банке, под палящими лучами солнца. Неприязнь капитана Кэтль к человеку, ради спасения которого он подвергся стольким опасностям, постепенно становилась такой сильной, что он буквально еле удерживался от желания придурить его.

По временам Клэр бросал некоторые фразы, но капитан хранил угрюмое молчание. Он знал, что дело может закончиться столкновением между ним и этим чужеземцем, как только он даст волю своему острому языку. Но с наступившей ночью он решил выяснить причину своей антипатии. Они сдвинули лодку в воду, натянули парус и подгоняемые северо-восточным ветром направились к Ост-Индским островам. Кэтль сидел у руля, а Клэр был занят вычерпыванием воды из лодки. Долго копался в себе маленький капитан, но вдруг ему пришла в голову одна мысль и чем чаще он к ней возвращался, тем тверже становилось его убеждение, что наконец-то он нашел настоящую причину своей горячей ненависти к этому беглецу.

«Как и когда удалось этому молодому приблизиться к мисс Карнэджи?» Кэтль сообщил ему, что все дело его спасения, было устроено одной дамой, но Клэр только зевнул в ответ и ограничился равнодушным: «так», «так»...

Когда первая горячка немного поутихла и оба они лежали в песочной яме, капитан Кэтль снова завел разговор о мисс Карнэджи. Он рассказал о своей встрече с ней в Нью-Кэстле, но Клэр заявил, что он слишком устал и лучше закончить этот рассказ как-нибудь в другой раз. Разве любящие ведут себя подобным образом? Конечно, нет.

Подтянув на несколько вершков парус, так как ветер начал крепчать, капитан Кэтль сел и вновь принялся за свою тему.

— Мисс Карнэджи — человек, которого я в высшей степени уважаю.

— Да, ничего себе девочка! — последовал ответ с носа лодки.

— Она пожертвовала остатком своего состояния, чтобы только освободить вас.

— Да, я знаю, что она меня любит.

— Но я бы хотел знать, отвечаете ли вы на эту любовь в такой же мере?

— Потихонечку, капитан, не увлекайтесь! Я не вижу, почему это должно вас касаться. — Он замолчал и бросил на моряка любопытный взгляд. — Послушайте-ка, вы все

время говорите о мисс Карнэджи. Может быть, вы сами влюблены в нее?

Капитан Кэтль яростно уставился на него. Он швырнул бы ему в голову рулевым стержнем, если бы не боялся, что лодка сковырнется и моментально наполнится водой.

— Дуралей вы этакий! — загремел он, чтобы как-нибудь отвести свою душу. — Еще одно такое нахальное замечание и я пристрелю вас, как собаку. Я уважаю мисс Карнэджи больше любой королевы. Ибо она пишет стихи для журналов, а королева — только дневник. Кроме того, я женат и отец семейства. А если говорить по существу, то мне кажется, что именно я держу сейчас вашу судьбу в руках. Если я поверну вот этот руль прямо к борту, то наша лодка опрокинется и пойдет ко дну. О себе я не очень беспокоюсь, но вам вряд ли понравится через несколько минут очутиться в преисподней.

— Да, это мне ни в коем случае не подходит. Я хочу жить. На том проклятом ос роже позади нас я пережил такой момент, который требует большого срока жизни, чтобы хоть немного вознаградить меня. Но если вас это интересует, капитан (я признаю, что благодаря вашему поведению вы имеете право на мое доверие), я могу вам сообщить, что весьма возможно, я женюсь на мисс Карнэджи, когда возвращусь в Англию.

— Значит вы любите ее?

— Мне не совсем ясно, что принято понимать под любовью. Но я отношусь к ней довольно хорошо. Не лучше ли нам подтянуть наруса, ведь я едва успеваю вычерпывать воду.

Оба примолкли. Кэтль вынужден был напрячь все внимание и употребить всю свою морскую сноровку, чтобы управлять лодкой и своевременным поворотом руля ставить ее носом против больших, тяжелых волн. Беглый арестант, в свою очередь, был занят по горло, поминутно вычерпывая вливающиеся через борт зеленые ручьи. Наконец, он на мгновение прервал свою напряженную работу и сделал еще раз попытку заговорить со своим мрачно глядевшим спасителем.

— Знала ли она что-нибудь, — начал он, — об этих французских планах крепости? Считает ли она меня виновным в пропаже этих бумаг и в продаже их немцам?

Капитан Кэтль решил солгать.

— Да, — ответил он, — вся история от начала до конца известна ей.

— В общем, это моя глупость, что все дело раскрылось. Держи я себя спокойно, пока скандал поулеет, бы, ни одна душа ничего бы не заметила. Все дело, однако, пошло кривь и вкось, а при настоящих обстоятельствах самое благоразумное, что я могу еще сделать, это отобрать у старого Карнэджи его дочку.

— Так вы решили все-таки жениться на этой девушке?

— Конечно.

— Таково, значит, ваше мнение? — ответил Кэтль. — Теперь будьте добры выслушать, что я вам скажу на этот счет. Мисс Карнэджи думает, что вы любите ее, чего нет и в помине. Значит, один из ее главных мотивов, равно как и моих, действовать в ваших интересах, совершенно отпадает. Кроме того, она убеждена, что вы несправедливо осуждены и невинно сосланы в Кайенну, тогда как вы сами признаете, что вы наглый грязный вор, вполне заслуживший свое наказание. Это во-первых и во-вторых. А в-третьих, я ни в коем случае не допущу, чтобы молодые люди, только что удравшие из тюрьмы, нападали на кошельки своих тестей.

— Эй, вы там, маленький грубиян, вы что это мне грозите?

— Я буду грозить самому китайскому императору, если он будет делать то, что мне не нравится. Оставьте-ка вашу черпалку в покое. Прежде чем вы ее успеете поднять, я всажу пулю в вашу папишную шкуру. А теперь слушайте, что я скажу вам. До конца нашей поездки, т.е. до тех пор, пока мы не доберемся до нашей гавани, вы будете сидеть впереди. Если вы сделаете хоть один шаг ко мне поближе, я пристрелю вас. К слову сказать, я был бы очень рад, если бы вы дали мне к этому повод. Но если вы все-таки доберетесь до берега в полном здравии, то и ваши дальнейшие пушки я сумею завинтить.

— Чего же вам еще нужно? — хмуро спросил струхнувший беглец.

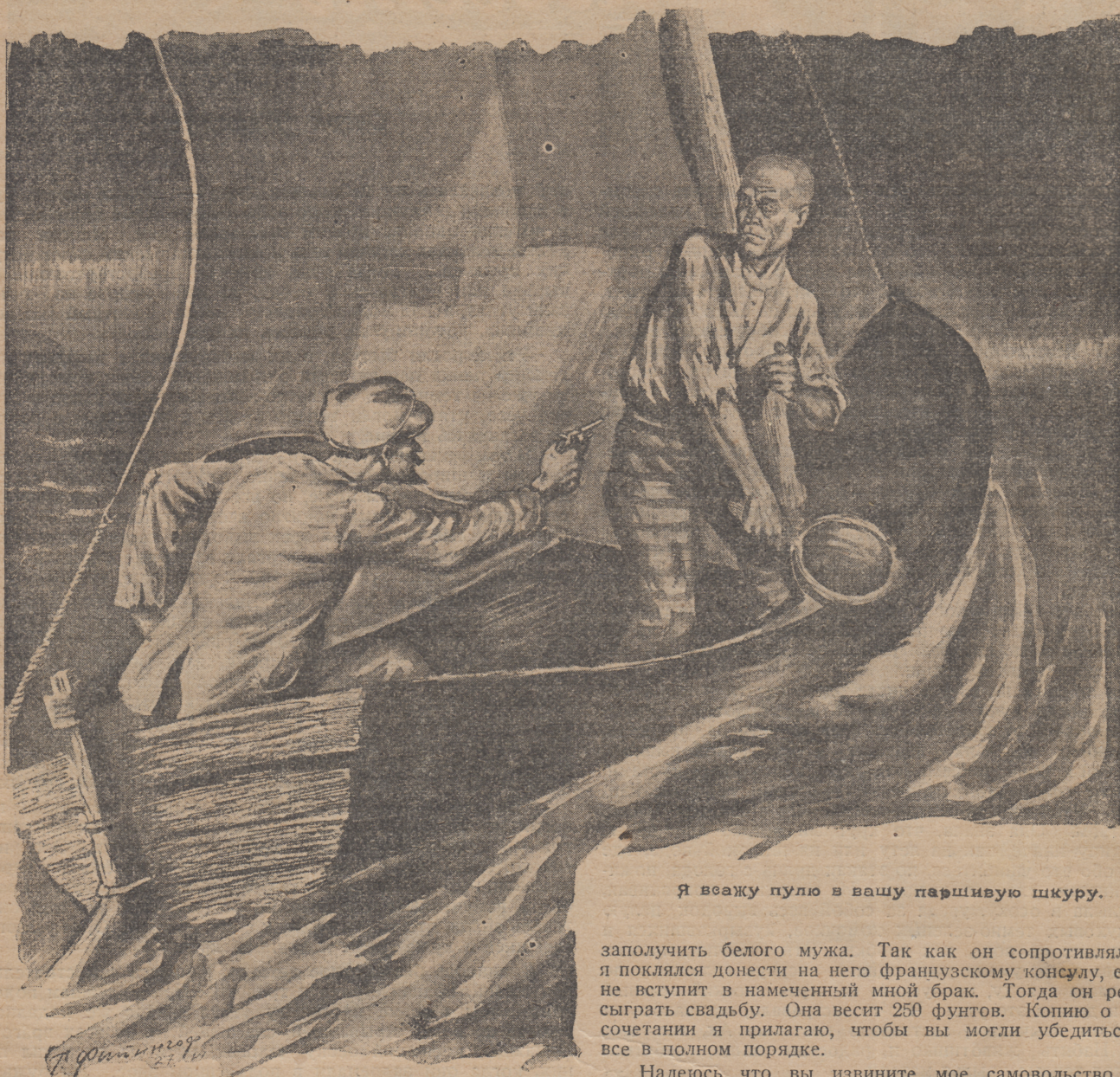
— Это вы узнаете, когда приедете, — злобеше ответил Кэтль. — И с этой минуты я не желаю слышать от вас больше ни одного звука. Начните опять свое вычерпывание. Что вы оглохли, дьявол? Вычерпывайте, если не хотите, чтобы благодаря вашей проклятой лениности моя лодка ко дну пошла?

* * *

В какую из англо-индийских гаваней вошла эта лодка со своими пассажирами, я выяснить не смог. Также и прием, которым капитан Кэтль «завинтил пушки» м-ру Клэр, мне до сего времени остался неизвестен. Но восемь дней тому назад я случайно получил письмо, написанное

м-ра Клэр от французского правительства, несмотря на его протесты. В полной сохранности высадил его здесь на берег. Так как он сознался, что планы он все-таки украл и кроме того не любит вас, в должной мере, то я разрешил себе свободу действия, чтобы и в будущем он уже не докучал вам. С этой целью, я выискал старую, черную прачку (вдову), для которой высшее благо —

Я всажу пулю в вашу паршивую шкуру.

рукой этого маленького авантюриста. Это письмо все разъяснило.

Ост-Индские острова.

Мисс Карнэджи, Джесмонд-Стрит.

Нью-Кэстль. Англия.

Уважаемая, мисс! Я рад сообщить вам, что ваши высокочтимые приказания сумел выполнить отчасти. Согласно полученным инструкциям, отправился в Кайенну, взял

заполучить белого мужа. Так как он сопротивлялся, то я поклялся донести на него французскому консулу, если он не вступит в намеченный мной брак. Тогда он решил сыграть свадьбу. Она весит 250 фунтов. Копию о бракосочетании я прилагаю, чтобы вы могли убедиться, что все в полном порядке.

Надеюсь, что вы извините мое самовольство. Если я освободил его от тюрьмы, то вас от негодного мужа.

Погода здесь очень душная, а сама местность поразительно красива.

Как только буду дома, не премину тотчас же разыскать в журналах ваши стихотворения.

В надежде, что это письмо застанет вас в таком же добром здравии, остаюсь

Преданный Вам О. Кэтль, капитан.

ОДИН ВЕЛОСИПЕД НА ДВОИХ.

У двоих был только один велосипед, на котором они и отправились в прогулку. Пользоваться велосипедом они решили только поочередно и никогда

не ехать на нем вдвоем. Спрашивается, приедут ли они к намеченному месту скорее, чем в том случае, если бы оба двинулись пешком.

Очерк Леслика.

Героиня этой повести всю свою жизнь носила скромное коричневатое-серое платье, а потому нет ни малейшей возможности описать ее наряды; герой же, если и шеголял изредка яркими цветами, то одевался с неизменным однообразием покроя и совсем не имел дела с каким-либо портным; оба они ели такую дрянь, что и перечислять не стоит, никогда не носили никакой обуви, у них не было не только постоянного места жительства но даже собственных имен... Бродяги? Несомненно. Безразличные бродяги, если добавить, что родные брат и сестра они никогда не чувствовали радости родства, равнодушно расстались в самом раннем детстве и, встретясь взрослыми, друг друга не узнали и едва взаимно не увлеклись.

Тем не менее, они пережили ряд странных приключений, успешно избегали многих опасностей, любили, он — страстно, бешено, неистово, она — нежно и самоотверженно, мучились ревностью, извелись горечью измены, совершили длинные путешествия по воздуху, видели разные края земли и были убиты предательскими выстрелами людей, которым они ничего плохого не сделали. Разве это не основание для повести?

Итак, это были утка и селезень; сначала — утята, настолько одинаковые, что не установлено, различала ли их даже родная мать, крякловая утка, еще не старая, но выдавшая виды в своей жизни.

Они явились на свет в числе одиннадцати в июньский полдень, когда лучи солнца гонят над болотом жаркие волны ароматов от зацветающих трав, и ястреба, паря на неподвижных крыльях, плавают в прозрачной вышине. Маленький кобчик, трясясь чуть ли не под самыми кустами, кричал от голода тонким, резким, яростным голосом: кли-кли-кли! Утка-мать поглядывала на него с некоторым беспокойством. Она знала, что крупный ястреб вообще не бьет птицу иначе, как на лету или на широкой воде, где ему не обо что ушибиться, но этакая дрянь с голода, пожалуй, кинется, схватит утенка. И, тихонько покрякивая, она уплыла в осоку, уведя за собой весь выводок, целую цепь пуховых темно-зеленых комочков, кувыржавшихся и скользивших по воде, как пробки. Эти комочки, прожиз всего два часа, умели уже, однако, засунув головенку по самые глаза в воду, пропускать ее через плоский зеленый нос, как делала это утка. Что-то застревало, оставалось на ничтожном язычке, заставляло глотать... Ах, вот она, жизнь! Набить животик и, радостно пища, забиться спать под теплые крылья матери.

Ночь провели на родимой кочке, но не в гнезде. Там тесно, гадко, грязно, там валяются скорлупки яиц, разный сор, набравшийся за время усердного высиживания — все это не годится для живых, веселых утят.

На другой день пронеслась гроза. Чудовищный язык бледного пламени лизнул болото, мгновенно испепелил ряд кустов, взметнул в дыму столбы земли и воды. На утиный выводок такая катастрофа произвела незначительное впечатление: той кочки, где помещался выводок, вихрь не коснулся. Утята, попискивая, шевелились под уткой и счастливая мать, ощущая их всех, даже дремала, повесив нос, во время грозы... Мало ли какие случаются на свете происшествия. Но посещение водяной крысы было ужасно. Она чутьем выследила ход выводка между кочками и нагло кинулась на утят. Напрасно они ныряли: она делала это лучше и увереннее, чем они. Напрасно утка, отчаянно крича, билась крыльями, пыталась клевать... Плоский, тупой и мягкий клюв действовал плохо. Когда на новой кочке, значительно отдаленной от первой, утка, после крика, писка, драки, шлепанья и беготни по грязи, собрала своих птенцов, то убедилась, что двое из них исчезли... И жалкое кряканье несчастной матери тоскливо дрожало над осокой да утра, когда сквозь росистые своды высоких трав, по узким протокам между кочками известной ей дороги, утка увела остальных птенцов на открытую воду. Какой широ-

кой показалась им небольшая лужа — словно океан! Тут в изобилии и тишине скоро забылось ужасное приспешствие и потекли один за другим счастливые дни. Иногда над лужей мелькала летучая тень и слышался резкий свист могучих крыльев... Тогда утка кричала предостерегающе и ныряла или пряталась в осоку, за ней мгновенно исчезали утята, а над водной гладью несясь яростный клекот хищника, которому не удалось ничего поймать.

Утята росли быстро, в их вытянувшихся крыльях появились пенки перьев, сами они покрыты были еще пухом, но уже не темным, а со светло-зелеными полосками: в случае чего, утята могли теперь бегать и прятаться в осоке, не затаиваясь в тине.

В том же краю лужи ютились еще два выводка — шилохвосты и широконоски; конечно, это утки не того круга, как кряковые, чином ниже, но все-таки весьма порядочные семейства, с которыми приятно вести знакомство. Бойкие полу-взрослые утята всех трех выводков частенько сообщали ловили лягушку, таскали и дергали ее до смерти, хотя проглотить не могли: тут на помощь подспедали утки.

В эту мирную жизнь без малейшего предупреждения ворвался человек. Он вдруг явился и принес гром, молнию, дым и дикий ужас хищного зверя... Гремели выстрелы, свистел смертоносный град дробы, взметывались в дыму столбы брызг, огромное, невиданное животное, сверкая страшными глазами, фыркая и вытянув красный язык, гналось за вереницей утят. Старая кряква кидалась на собаку, билась крыльями по голове, но в пылу защиты взлетала, когда ей показалось, что она отвела собаку от выводка, и упала на воду мертвой, пронизанная свинцовым градом.

Два утенка, не помня себя от страха, выскочили из осоки на середину лужи, побежали по воде, хлопая еще голыми крыльями, а потом принялись нырять. Это их спасло. Они бежали долго, пробирались через болото, переплывали, ныряли еще раз, и выбрались через ряд луж в край озера, измученные, голодные, но обогащенные опытом: они теперь знали, что такое человек с его собакой. О, это много страшнее и хуже грозы и водяной крысы!

Кончилось беззаботное детство, началась самостоятельная жизнь, полная страха и тревоги. При малейшем подозрительном шорохе на берегу утята сейчас же кидались бежать по воде, укрывавшей, спасавшей их от всех врагов. Однажды, косивший осоку человек, чуть не наступил на них, когда они задремали в полуденном зное. Ни ружья, ни собаки тут не было, но испуганные до полусмерти утята выскочили слепком стремительно, замахали по воде крыльями изо всех сил и вдруг почувствовали, что крылья их держат в воздухе. Тогда они взвились в высоту и несколько раз облетели, оглядывая вспугнувшего их косца. Так вот он какой, человек? Ничего он не может сделать молодым уткам, летающим высоко. Тут же стало ясно, что мир очень велик, уток в нем много, и по зарям, когда солнце показывается из-за края земли, а в особенности, когда оно скрывается за ним, вереницы уток летают от одной воды к другой, без всякой надобности, просто так, чтобы помахать крыльями. И брат с сестрой, пристав к разным стаям, расстались, даже не заметив, как это случилось.

Продолговатые озера длинной цепью лежали среди зелени кустов и леса. Восхитительное ощущение лететь высоко над зеркальной водной гладью в полнейшей безопасности. Там, на зеленых перемычках между озерами, постукивают выстрелы и видно, как кувыркаются утки из неосторожно снизившихся станиц. Но... но зачем же так делать? Лучше пронести в недостижимой вышине. Бывалые, должно-быть, и пребойкие парни попадают из прошлогодних сезней. Они летят так бодро, прямо, так уверенно, как-будто наверное знают, что и за целью привычных озер, в туманной дали, есть что-то хорошее. Летим за ними!

А огромная река, величественно развернувшись широкой серебристой дорогой, изгибом откинула почти необозримую отмель — песчаную, желтую, гладкую. На ней сотни луж и ни одного кустика. Тут можно спокойно есть и спать: ни с какой стороны никто никак не подберется.

И утиная стая, шумно свистя крыльями, низит над длинной котловиной, наполненной водой, пронесится над ее поверхностью, возвращается и, убедившись, что никакой опасности не угрожает, шлепается на воду.

Ба! Да тут же сидят, полощутся раньше прилетевшие станицы: кто чистится, кто ест, кто спит, сидя на берегу или покачиваясь на стоячей воде. Гуляют длинноногие журавли, стадо гусей бормочет в уголке заводи. Вдруг — тревога: посредине реки плывет чудовище. Оно оглушительно ревет железным голосом, пытит клубами дыма, на нем видны люди. Ужас! Селезень, переживший лишь весну своей жизни, уже взлетел, но прежде, чем унести, взглянул на бывалых парней из прошлогодних: те даже не шевельнулись. Эка невидаль — пароход! От него вреда не будет, а насчет того, чтобы человек или собака не подобрались, так вон сторожевой стсит — старый селезень в полном блеске оперения, в расцвете сил и опыта. Он сыт, упитан так, что не увлекается водой, он так силен, что любого из молодых, взяв за шею, может оттащить как утенка и, стрелянный не раз, он смотрит зорко, слышит чутко... Вот если он, зашипев, поднимется, ну, тогда не зевай, лети за ним во все крылья!

Через какой-нибудь десяток дней и молодой селезень вылинял, сбросив

нищами, качаясь, поплыли по волнам. Но вожак, шипя, полетел навстречу ветру, неутомимо размахивая точно железными крыльями. За ним плотной тучей понеслись отборно-сильные, крепкие: все слабое отпало, осталось там на пенистых волнах.

Стреляли в утиные стаи часто, когда они летели над землей, попадали редко, но в пасмурные, ненастные дни, когда в воздушной вышине все полно туманной мглы и сырости, трудно там лететь. Тогда утиная стая снижалась и вот тут случались несчастья: некоторые кувыркались вниз, на землю, где стучали выстрелы. А остальные, раздавшись на миг, пока свистал убийственный огненный вихрь, вновь теснились в ряды и, крича, продолжали нестись к югу, посылавшему им навстречу приветные волны тепла.

О, лазурное небо, лазурный воздух, лазурное море! Забыто все: и угрозы зимы, и тягостный перелет, и многие опасности во время пути. Здесь отдых, полное спокой-

скромный наряд серо-коричневых перьев. Голову его покрыл темно-зеленый бархат, на шею засверкал белый галстук, круглые края крыльев стали сизыми, а грудь — малиновой.

Как раз к этому времени пошли дожди, ночи потемнели, удлинились и очень похолодели. Червяки, лягушки почти исчезли... Плохо стало с едой. Не рыбу же ловить кряковому селезню. А бывалые парни, видимо, собирались куда-то удрать, судя по тому, что все шептались, поглядывая на сторожевого. И потому, когда красавец-старик, зашипев, поднялся, а за ним шумно и крикливо потянулся длинный табун, то и молодой щеголь, не желая остаться один, полетел за ним, сам не зная, куда и зачем.

Море... Чрезвычайно странный вид, совсем не такой, как над родными болотами: там, на необозримой зеленой равнине лишь кое-где блестит вода, а тут — никакой зелени, кроме зелени волн, с пенящимися гребнями, тут вся равнина — вода. Можно опуститься и поплавать, но — еще странней — воду эту нельзя пить: она отвратительна. Вдобавок, из нее высовываются какие-то зубастые морды, глотающие взрослых крупных уток, как мух и, наконец, в такой воде, оказывается, утка может утонуть. Неожиданно надлетевшим шквалом так трепнуло их табун, заснувший впасть на солнечном припеке, так стало плескаться волнами, что сотни задохнувшихся уток безжизненными вер-

стие, бесконечное богатство разнообразного корма, тут рай безмятежного существования. Веселыми, шумными ватагами рассыпались утиные стаи в тростниках вечно-тихих водоемов. Конечно, неприятности случались... Зубастые морды высовывались и тут из тины, хватая зазевавшихся уток не хуже, чем те, в морской глубине. Подкрадывались и четвероногие воры, похожие на лисиц, с хриплым клекотом кружили в воздухе огромные, ярко-пестрые ястреба, но редко кто попадал в зубы или когти хищников из птиц, изощривших огромным перелетом свои силы и осторожность...

Один безоблачный день мелькал за другим, иногда даже томили душные темные ночи. Когда проремькнуло их с полсотни, вдруг старый вожак-сттаскал, избил до полусмерти двух молодых селезней, без всяких к тому причин, кроме того, что молодые попались ему, когда он почему-то был не в духе. Это происшествие послужило началом ряда драк, возникавших из-за пустяков, просто от безделья. Ругань на всех утиных наречиях повисла в воздухе, при чем кряквы, конечно, громче всех орали во все горло: кря-кря-кря! Дождь, ливший потоками несколько суток, прекратил брань, но смутно и сильно напомнил всем что-то очень важное, внушавшее тревогу, и после дождя положение затуманилось совсем. Утки, державшие когда-то под крыльями утят, стали крякать долго, настойчиво, как-будто подзывая выводок. А его не существовало. Иная пожилая утка, плывя в совершенном одиночестве, оглядывалась, ища за

собой живую цепь плывущих вертявых пуховых комочков и, убедившись, что за ней никто не плывет, выбралась на берег, крикая жалко, тоскливо. Некоторые из наиболее опытных уток подплывали или неожиданно, как с неба сваливались, слетали к разряженным в яркие перья селезням и покрывали ласково, нежно, тихонько, как бы намекая на что-то. Одному молодому кряковому красавцу, отличавшемуся могучим изгибом шеи, досталось от опытных уток даже несколько щипков. Что ж, он дурак, что ли, чурбан, урод бесчувственный? Нет, он не хуже, если не лучше других, но он решительно не понимал, чего от него хотели, и равнодушно продолжал шелушиться, засовывая в воду темно-зеленый клюв. Впрочем, неосторожно подвернувшись селезню свиязи, красавцу с коричнево-бархатной головой и в белоснежном жилете, он тут же ни за что дал сильнейшую трепку. Тот, вырываясь, кричал, пищал, вертелся, наконец, вырвался, взлетел в вышину и, трепеща от бешенства, вдруг издал лишь ему из всех утиных свойственный клич, роскошный из двух колен свист, звенящим хохотом радостно несущийся весной из под облаков.

Сигнал? Конечно, нет, конечно, то был бессознательный крик... Но он ответил на тот призыв, который уже дрожал в миллионах существ, истомившихся в зное юга. Наступил тот миг, когда все они, увидевшие свет жизни в свежем воздухе севера, вдруг почувствовали непобедимую потребность вновь окунуться в волны этой прохлады. Крылатые станицы поднялись, равнодушно покинули чрезмерно-роскошные богатства пищи и тепла, уносясь в унылые мхи болотистых тундр.

Теперь они летели в недостижимой вышине, часто под облаками. Обильный корм, поглощаемый в течение многих дней покоя, собрал в их существах такие запасы сил, что крылья неустанно махали день и ночь. Бодрящее дыхание северных льдов несло навстречу, пронизывало сладостным холодком, заставляло содрогаться, но оно манило, привлекало...

Во время редких остановок, рассыпавшись по открытому разливу озера или реки, птицы ели мало, смотрели зорко, слышали чутко и при малейшем признаке опасности шумно снимались и вновь неслись. Смутно ли вспоминалось пережитое или еще смутно волновало предчувствие неизведанных ощущений? Старых и молодых всех одинаково влекло что-то более могучее, чем смерть, более дорогое, чем жизнь. Лететь, лететь... Лететь на север во что бы то ни стало!

Среди ночного мрака во время перелета над морем вдруг заблестал странный сильный свет. Солнце? Нет, оно восходит в алом сиянии зари или исчезает среди красных облаков, а тут брызжут снопы ослепительных бледных, холодных лучей... Станицы птиц снижаются и с налета бьются о каменные стекла маяка. О, какой крик, какой ужас, сколько искалеченных и мертвых падают к подножью башни! Более недоверчивые, осторожные взмывают кверху и продолжают лететь во мраке по как-то разбираемому ими направлению туда, где цель жизни таится в смутном очаровании, силе которого невозможно противостоять.

Снег лежал сверкающими полями, дыша холодом, дул резкий ветер, ночной заморозок щипал за лапы так, что приходилось, прервав дремоту, взлетывать, крикая от боли, и по едва оттаявшим краям почти нечего было есть. Но среди голодных невзгод вдруг ясно озарило всю жизнь то, что издали манило смутно. Ах, эта неизъяснимо-прекрасная судорога любви! Для всех живых существ она ярче солнца, заманчивее света, сильнее голода, нужнее воздуха, дороже жизни... И охваченные волной весенней страсти, птицы поняли, зачем сквозь бури, голод и смерть они прилетели на север.

Утиные стаи разбились. Селезни, так недавно вполне хладнокровные, в бешеной жажде обладания преследовали уток, а те, слегка, как бы уклоняясь от неистовых ласк, уступали им, трепеща от наслаждения.

В лазурной вышине, трубя точно в серебряные трубы, неслись станицы лебедей, гоготали гуси, курлыкали журавли — им путь был еще далек, их еще манило, им предстояло то, чего утиные пары уже достигли.

Селезни яростно трепали своих подруг, не пропуская случая уцепить и одиноко пролетающую утенку. О, как горько это было видеть той, что избрала его своим супругом на всю жизнь! Но как быть? Он так хорош в великолепии весенних перьев, что поневоле простишь ему его неукротимый характер. Однако, некоторые утки стали задумываться и несколько сдержаннее принимать ласки ненасытных любовников. Какие трепки доставались им тогда! Бедняжки крикали плачущими голосами, а опьяненные

страстью красавцы таскали и щипали их так, что пух летел в воздух и плавал по волнам взбудораженных луж.

Отлично сложенная крякая утка, почувствовав утомление от постоянного в течение десяти дней безумия любви, решила, что достаточно подобной жизни, пора подумать и о семье. Она равнодушно ствернулась от селезня, подплывшего к ней с любезностями, и направилась в желтую заросль прошлогодней осоки. Оттуда она была вытащена за шею, и взбешенный селезень до тех пор волочил и щипал ее, пока она вновь ему не покорилась. Тогда утомленный дракой и любовью, селезень в счастливой дремоте на миг повесил нос, а когда он его поднял, утки около него не оказалось. Он тревожно оглянулся и зашипел в гневном негодовании. Как она посмела? И как она смогла так подло улизнуть? Он слышал бы малейший шелест ее крыльев, если бы она улетела... Негодяйка, очевидно, отплыла от него, как тень, и беззвучно шмыгнула в осоку, где, конечно, ее не найти. И, яростно взмахнув крыльями, покинутый любовник взметнулся в высь... Ну, достанется же трепка той, которая ему попадется.

А изменница сквозь осоку, через кочки, выбралась на довольно широкую лужу и остановилась в изумлении: бывает же такая красота. Прямо перед ней, гордо подняв необыкновенно могучую шею, плавал селезень. Вот это надежный муж, каким бы отцом он был для ее будущих детей, быть-может, он не колотил бы ее чересчур. Сладко мечтая, она даже закрывала легкомысленно в избытке нежных чувств. Красавец с могучей шеей восторженно, увидел утку, кинулся на нее и... хотел так же сгубить, как тот. Ну, нет, довольно, она не желает, да подло так пользоваться минутной нежностью сердца, мгновенным увлечением, нет, ни за что. После возни с криком, с дракой, с погоней по воздуху и по воде, утка неожиданно нырнула на самой середине лужи и точно провалилась сквозь воду. Селезень в отчаянии и нырял, и летал, и шипел на разные лады. Нет, утка исчезла! Они злобно растались навсегда, не подозревая ни на миг, что они родные утята из того выводка, за которым годназад около той же лужи гналась водяная крыса.

Утка только потому оказалась так жестоко-добродетельной, что все ее существо трепетало от иных чувств. Гнездо! Туда в виде яиц она положила уже зародившиеся в ней новые существа, прикроет их, согреет, сбережет собственным телом, ценою жизни бесстрашно защитит от всех врагов этих маленьких, зеленых, пуховых. Зачем, кому нужно? Неизвестно, но так велит закон, которому нельзя не повиноваться: закон жизни. И утка принялась за постройку гнезда, покрывая уже не легкомысленно, а деловито, как почтенная мать семейства.

Селезень с могучей шеей, неожиданно оскорбленный в самых горячих своих чувствах, осматривая все лужи, очень скоро нашел... селезня, также метавшегося в бесплодных поисках. Он его избил так, что тот растрепанный, испуганный, окровавленный, перестал даже шипеть и, собрав остаток сил, еле-еле улетел от разъяренного врага. Победитель, привстав на воде на лапах, помахал крыльями, поправил перья, пострадавшие в схватке, попил воды и гордо поплыл по зеркалу лужи. Нет, он еще им покажет, как от него прятаться, как ему изменять, попадаться на дороге, с такой шеей он за себя еще стоит и уток найдет. Вот! Вот, кричит какая-то дрянь. Голос слабый, потрескивает странно, но, несомненно, она зовет. Туда, к ней! Вон она у куста... Селезень свалился камнем к утке, привычно схватил ее за шею и, отпрыгнув, взлетел прежде, чем из-за куста раздался выстрел. Чорт знает что, утка оказалась деревянной! И облетев большой круг, бедняга долго сидел в болотце, дрожа от ужаса, удивления, негодования. Вот почему и голос звучал так странно. Очевидно, за нее кто-нибудь другой кричал. А что это? Нет, это уж как там угодно, это настоящая утка зовет, и голос ее дрожит страстью. Решив сначала все-таки посмотреть, селезень облетел круг и увидел, что у берега лужи плавала утка, на берегу же стояло нечто зеленое, похожее на куст.

Он радостно кинулся с высоты к кричавшей утке. Вот тут, сейчас, он опять найдет трепет страсти... Утка радостно поплыла ему навстречу, но вдруг огненный вихрь охватил, пронизал его всего, и селезень, поникнув могучей шеей в воду, даже не взмахнул крыльями: он был убит наповал.

Утка же, не круговая, а та, что, отличаясь крепким сложением, дважды благополучно перелетела через море, та утка, устроив гнездо вывела около десятка зеленых как тина утят...

Так ведь это же все было, это повторение!

Конечно, повторение: иначе не бывает и быть не может, таков непоколебимый закон вечно обновляющейся жизни.

ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

Очерк Г. ДЮПЕРРОНА

Среди отличных физкультурных привычек, распространенных в Западной Европе, на одно из первых мест следует поставить лагерную жизнь.

Молодежь и взрослые люди, небольшими группами или экскурсиями, направляются накануне дня отдыха за город и проводят там весь праздничный день и две ночи, а в понедельник возвращаются на службу или на работу с запасом свежих сил, достаточным на всю трудовую неделю.

Правда, и у нас принято по воскресеньям ездить за город, но обычно это сводится к тому, что горожане с утра переполняют дачные поезда, час или полтора проводят в давке и духоте железнодорожного вагона, потом высыпают где-нибудь в дачной местности на станцию, отправляются на запыленную дужайку или в прилизанный парк и там лежат на травке, пока вечерний поезд не заберет

с собой экскурсантов и не выжмет из них все то здоровое, чем они напичкались за недолгий день.

Лагерная жизнь в том виде, как ее понимают заграничные рабочие, совершенно не похожа на такие экскурсии, к которым привыкли у нас. Таме.ут не в дачные места, а в глушь, едут накануне,

проводят целую ночь на воздухе, пользуются свежестью праздничного утра, целый день впитывают в себя морской или речной воздух, смолистый дух соснового леса, тренируют свое тело продолжительными прогулками не по пыльному шоссе, а по лесным тропинкам, купаются, приобщаются к той первобытной жизни, которая позволяет дикарю сохранить силы и бодрость до глубокой старости; вторая ночь на свежем воздухе даст необходимый отдых в гигиенических условиях, вместо душной спальни.

Главное заблуждение, препятствующее развитию лагерной жизни, заключается в том, что человеку свойственно предполагать, будто внешние удобства составляют неперемное условие благосостояния. Поехать ночевать куда-нибудь в условиях примитивных кажется страшным и неприемлемым; а между тем, это составляет одно из преимуществ

Прежде всего нужно подумать о том, чтобы устроить себе помещение для сна. Можно, конечно, спать просто на открытом воздухе, но нужно считаться с различными условиями, нужно обеспечить себя от слишком яркого солнца, от возможного дождя, от комаров и мух, от ветра. Для этой цели служат либо палатка, либо шалаш. Палатка, конечно, удобнее, но ее нужно тащить с собою; шалаш можно оборудовать на месте из готового материала.

УСТРОЙСТВО ШАЛАША ИЛИ ПАЛАТКИ.

Чтобы устроить шалаш, нужно найти дерево, у которого на высоте человеческого роста или несколько ниже имеется разветвление; на это разветвление кладется срезанная ветвь достаточной толщины или — лучше — две жерди, так, чтобы нижний конец упирался в землю; затем на жерди накладывают или привязывают ветки толстым концом вверх; промежутки между ветвями наполняют мелкими ветками, папортником, соломой и т. п. (см. р. 1). Если нет подходящего дерева, можно взять две жерди и прислонить их друг к другу.

Шалаш на несколько человек устраивается несколько сложнее: втыкают в землю два шеста с разветвлением наверху; в это разветвление кладут длинную жердь и к ней прислоняют несколько палок или жердей под определенным углом; к этим вертикальным палкам привязывают несколько горизонтальных палок и на них уже накладывают или привязывают только что указанным способом ветви, солому, папортник и т. п. (см. рис. 2).

При устройстве шалаша всегда обращать внимание на то, чтобы спинка его находилась со стороны ветра; класть ветки нужно так, как кладется черепица на крышу, т. е.

Рис. 1. Шалаш из ветвей.

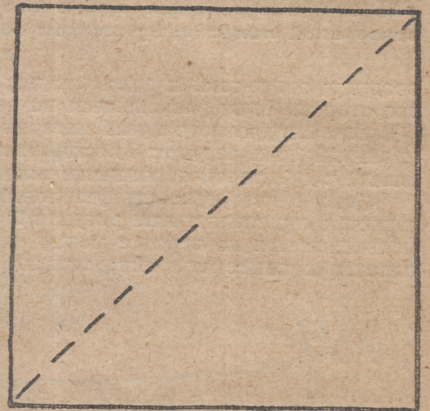

Рис. 3. Квадратный кусок материи для палатки: пунктиром обозначено место сгиба.

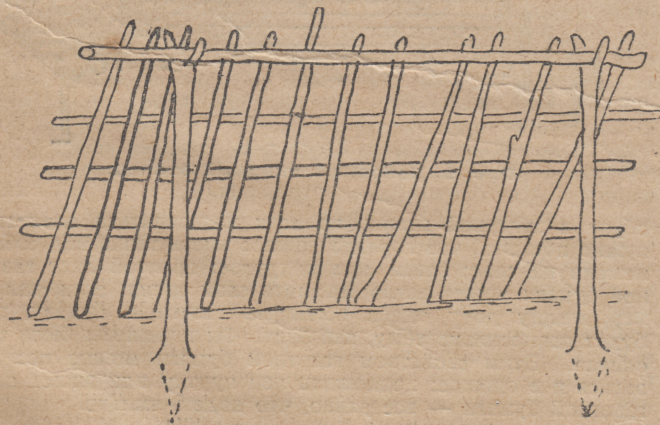

Рис. 2. Устройство палатки на несколько человек.

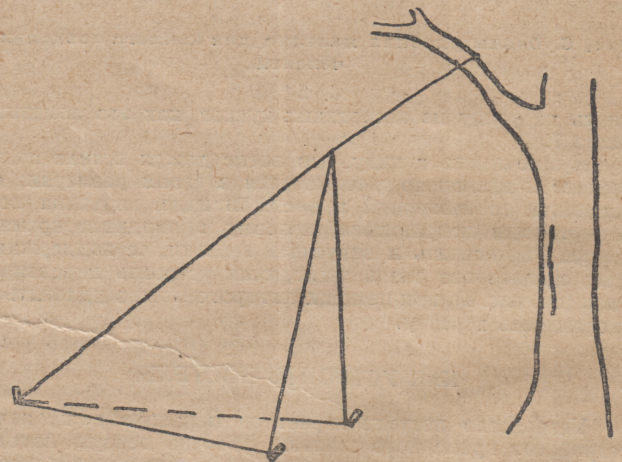

Рис. 4. Палатка из квадратного куса материи.

верхние ветки должны клаться поверх нижних, а не наоборот; в таком случае дождь не будет проникать внутрь шалаша.

Само собою понятно, что палатку устроить на месте проще и что она представляет большие удобства; чтобы не тащить ее каждый раз на себе, можно оставлять полотно для палатки у окрестных крестьян при условии — ездить постоянно в одно и то же место на ночевку. Самая простая палатка делается из квадратного куска прорезиненной материи, из брезента или плотной парусины. К четырем углам куска нужно пришить по металлическому кольцу; к одному кольцу нужно привязать веревку и закинуть ее

лагерной жизни. Впрочем, ночевать в лагерных условиях далеко еще не значит ночевать без всякого удобства. Нужно иметь только некоторую дозу изобретательности или умения, чтобы устроиться с известным удобством, если не с комфортом.

на сук дерева или на кол, вертикально вбитый в землю (см. рис. 3 и 4); это будет верх палатки; остальные три кольца прикрепляются к земле посредством кольев или привязываются веревками к кольям; получается трехугольная палатка, очень удобная для ночлега одного или двух человек; она вполне предохраняет от непогоды и дает доступ

Рис. 5. Прямоугольный кусок материи для более поместительной палатки; пунктиром обозначено место сгиба.

воздуху; опять-таки и здесь следить за тем, чтобы открытая сторона была расположена по ветру.

Вместо квадратного куска материи можно взять и прямоугольный; наш рисунок 5 показывает, как составить такую палатку: пунктиром обозначены места сгибов.

Совсем комфортабельную палатку, закрытую со всех сторон, представляет наш рисунок 6; она тоже очень просто подвешивается на веревке между двух деревьев и прикрепляется к земле кольями; только нужно предварительно

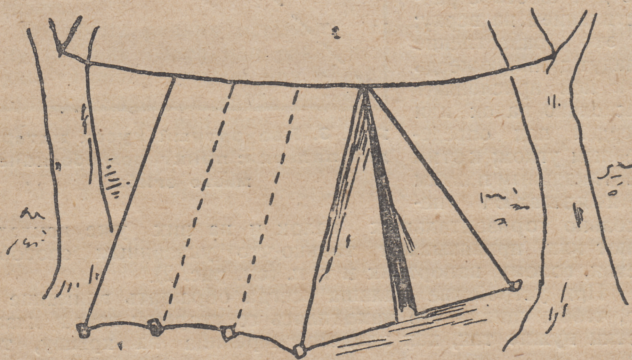

Рис. 6. Очень удобная палатка для ночлега нескольких человек.

сшить парусину из нескольких кусков, как это показывает схема 7.

Нужно иметь в виду, что после дождя всякая палатка оседает и несколько уменьшается в своих размерах; если оставлять ее натянутой в прежнем виде, парусина может лопнуть или искривиться; поэтому приходится время от времени натягивать и отпускать веревки, ее поддерживающие; сделать это очень легко, если устроить передвижной блок (см. рис. 8), при помощи которого можно удлинять или укорачивать веревку.

КАК УСТРОИТЬ ПОСТЕЛЬ.

Устройство постели играет не меньшую роль, нежели устройство временного жилья. В очень теплую погоду и на очень сухой земле можно спать и без всякой постели, но в таком случае не следует забывать выкопать небольшую ямку для бедренного сустава. Но, вообще, особенно на севере, желательно иметь подстилку между собою и землею, особенно в сырую погоду или после сырой погоды. Иначе ночлег на сырой земле угрожает неприятными последствиями, которые, может быть, скажутся не скоро, но выразятся в ревматизме и других заболеваниях. Чем толще будет подстилка, тем меньше возможность заболевания.

Для подстилки же можно использовать очень разнообразный материал: солому, папортник, сухие листья, мягкие ветви и т. д. Лучше класть такую подстилку не прямо на землю, а на раму, сделанную из палок: две длинные (больше вашего роста) и две короткие палки кладутся на землю крест на крест, а в углы забиваются колышки, чтобы

палки не сдвигались с места; в эту раму и кладется материал для постели, при чем ветки должны укладываться друг надруга так, как укладывается черепица на крыше; лучше все это покрыть каким-нибудь куском материи, полотнищем, чтобы получить вполне удобную постель.

Очень хорошо готовится постель и другим способом: втыкаются в землю, как можно чаще, еловые ветки, получается нечто вроде мягкой щетки, на которую можно улечься с большим удобством.

Можно приготовить себе настоящий тюфяк из травы, сена, соломы, папортника, переска, сделав себе походный ткацкий станок (см. рис. 9) Для этого нужно вбить в землю 5—6 кольев высотой в 50—30 сантиметров, или два таких же кола, соединенных поперечной перекладной; на расстоянии 2 метров вбивается второй ряд таких же кольев. К верхушке каждого кола прибавляется веревка, ведущая к соответствующему колу противоположного ряда; на втором ряду кольев должна быть обязательно поперечина, к которой прикрепляются веревки, несколько более длинные, чем размер будущего тюфяка; на другом конце этих веревок прикрепляется вторая поперечина, так называемый „ходун“; веревки между этими поперечинами не должны совпадать с веревками, прикрепленными к кольям, а должны находиться как раз в расстояниях между ними: один из ночлежников поднимает ходун над головой, а другой укладывает на веревки тюфяка имеющийся под рукой материал; затем ходун с веревкой опускается до земли и следующий ряд материала укладывается под веревками и т. д. как то видно из рисунка. Получается отличный тюфяк, на котором спать удобно и мягко.

Люди, любящие комфорт и могущие себе его доставить, предпочтут, вероятно, всему выше описанному — одеяла. Конечно, не всякий может иметь достаточный запас одеял; они кроме того представляют собою изрядную

Рис. 7. Как скроить парусину для палатки, изображенной на рис. 6.

Рис. 8. Подвижной блок для удлинения и укорачивания веревки.

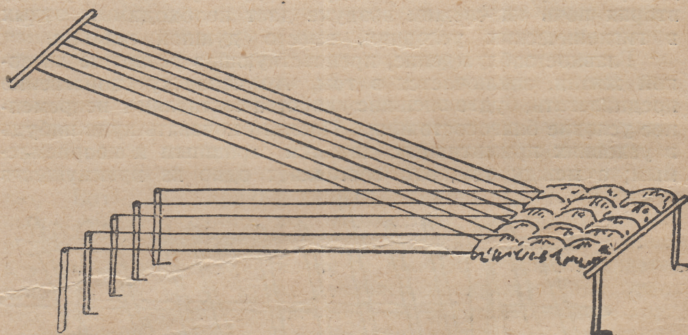

Рис. 9. Походный ткацкий станок.

обузу в лагерной жизни; но если пользоваться одеялами, нужно помнить, что гораздо важнее иметь тепло под собой, нежели на себе; затем еще и другое: простой лист газетной бумаги может легко заменить слой одеял; если, например, между двух одеял положить газетную бумагу, это будет равносильно тому, как-будто бы положены были три одеяла. Этим свойством газетной бумаги можно пользоваться и в одежде: подложить под куртку или жилет слой газетной бумаги — все равно, что надеть пальто.

КАК РАЗВЕСТИ КОСТЕР.

Костер в лагерной жизни очень разностороннее благодеяние: он позволяет согреть помещение, будь то палатка или шалаш, он служит для варки пищи и горячего питья, он предохраняет от насекомых. Вместе с тем костер не

такая простая вещь, как это может показаться с первого взгляда, и разжечь костер нужно умеючи. Прежде всего нужно

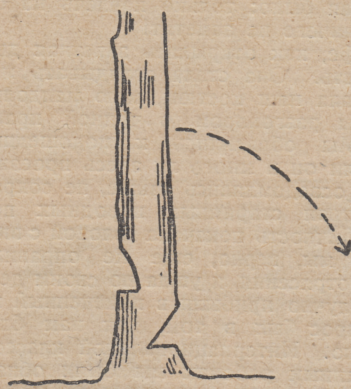

Рис. 10. Как срубить дерево.

уметь рубить деревья, как для того, чтобы устроить костер, так и для того, чтобы наладить шалаш или палатку. Нужно помнить, что каждое дерево представляет из себя большую ценность и, поэтому, никогда не следует уничтожать деревья зря. Кроме того, свежее дерево и горит плохо, так что правильнее выискать сухое, мертвое дерево.

При рубке дерева нужно сначала нарубить клин с той стороны, в которую предполагается повалить дерево, затем

зайти с другой стороны и на несколько сантиметров выше начать новую насечку, которую вырубать до тех пор, пока дерево не свалится (см. рис. 10).

Чтобы разжечь костер, нужно иметь исключительно сухое топливо и прежде всего нужно расчистить место для костра и вокруг костра, чтобы костер не зажег близкие кусты и деревья и не вызвал бы лесного пожара. По той же причине нужно тщательно тушить костер перед уходом. Для разжигания костра нужно сначала положить на землю мелкий и легко загорающийся материал, напр., сухую бересту, мелкие ветви, обрывки бумаги; все это нужно сло-

жить в легкую кучку, чтобы повсюду был доступ воздуха. Поверх этой кучки нужно поставить стоймя легкие, сухие палки, затем на них класть более толстые и, когда костер разгорится, можно уже класть целые срубки или поленья.

Очень хороший и удобный костер получается, если обложить горящую кучу топлива тремя брусками, расположенными в виде спиц колеса; по мере того, как прогорает костер, бруски можно сдвигать; на них можно поста-

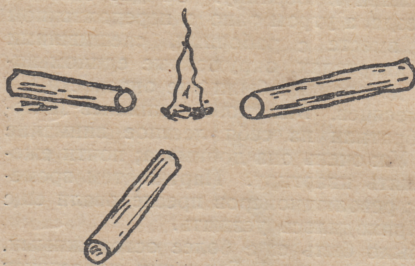

Рис. 11. Костер „звездой“.

Рис. 12. Американский костер.

вить чайник или другую посуду; кроме того, такой костер дает мало огня и дыма и потому плохо виден издали (см. рис. 11).

Очень много тепла дает так называемый американский костер: дерево разрубает на три полена длиной в 150 сантиметров; эти поленья кладут друг на друга, прислоняя их к наклонным кольям (см. рис. 12); перед этой спинкой кладутся прямоугольником три более коротких полена, а в полу- жившейся раме раскладывают костер.

Как я попал в СССР

Из воспоминаний германского политэмигранта.

Дело было в конце октября 1923 г. Восстание гамбургских рабочих только что было подавлено: мы были побеждены громадным перевесом сил полиции, рейхсвера и экипажа двух крейсеров. Полиция развивала лихорадочную деятельность, и участникам уличных боев оставалось только поскорее исчезнуть из города. Но как это было сделать?

Многих бойцов шпионы буржуазии успели заснять во время восстания при помощи карманных аппаратов. Нам донесли, что по шоссе и проселочным дорогам всюду разместились засады жандармерии, чтобы переловить беглецов. Единственным выходом из западни оставалась железная дорога. Но и здесь у каждой кассы, у каждого входа на платформу торчала пара охранников, критически оглядывавших проходящих пассажиров с ног до головы.

Товарищ Г. и я решили ехать вместе. Мы несколько изменили костюм. Домой нам нельзя было зайти: наши квартиры либо заняты были полицией, либо находились под секретным наблюдением. Поэтому мы обратились к приятелю и взяли у него занесенные и заплаченные рабочие штаны. Потом мы достали два небольших мешка и уложили в них несколько дощечек и коробок; получилось нечто вроде мешков с рабочими инструментами. Вот мы и готовы. В трактире мы на прощание потребовали еще по стопочке водки и, как бы невзначай, добрую половину ее содержания вылили себе на пиджак. Несло от нас спиртом на расстоянии десяти шагов против ветра.

У кассы уже стояла очередь в тридцать слишком человек, а впереди, справа и слева, поместились два архангела, ощупывавших взглядами каждого пассажира. Оба не отличались особенно интеллигентным выражением лица. Мы стали в очередь и повели мирную беседу — не слишком громко, но и не чересчур тихо — о кирпичах, об известке и глине и ругали подлеца мастера, которому приспичило послать нас на работу как-раз в воскресное утро. У кассы мы потребовали билеты в дачное место, лежащее приблизительно в 30 километрах от Гамбурга. Одного из агентов мы на всякий случай спросили, когда отходит поезд. Тот почуял благоухание пролитой водки и прикрикнул на нас, что это не его дело давать справки о расписании.

Приехав в дачное место, бросили содержание мешков за кусты, упаковали в них рабочие штаны и купили билеты прямо до Берлина. В кустах же вырезали себе по здоровенной палке. Если до сих пор мы были каменщиками, то в дальнейшем намеревались путешествовать в качестве крестьян; потому что и по поездкам, по всей вероятности, шныряли агенты политического розыска. В ночном поезде

нашлись свободные места; мы сели и принялись обсуждать виды на урожай. Так проехали три станции, когда в вагон, действительно, вошел субъект большого роста с черными усами, точь-в-точь хорошо известный тип. Я толкнул Г. ногой, он меня; мы почувствовали: вот наш враг. Он сидит недалеко от нас; во мне вдруг зашевелились воспоминания: эту сволочь я как-будто бы знал. А ведь, правда, мы с ним встречались месяцев шесть тому назад.

Коммунистическая печать в то время была как-раз запрещена. В последний день до снятия запрещения мы с товарищами дежурили в здании нашей типографии, чтобы охранять его против фашистских налетов, которые не раз производились. Полиция только что сняла пломбы с ротационной машины¹⁾ и мы ей тотчас же задали работу: напечатали несколько тысяч экземпляров нелегального воззвания к крестьянам. В 6 часов утра курьер с последней пачкой листовок только что успел покинуть экспедицию, а рабочие заняты были уничтожением набора. Вдруг, стук в дверь и входит человек высокого роста. Он мне вежливо показывает полицейский значок и спрашивает, не работают ли у нас в типографии; он-де слышал, что у нас ночью готовили листовку. Чорт возьми! Успели ли наши уничтожить все следы? Во всяком случае, нужно было выиграть время. Незаметное нажатие звонка — типография была предупреждена. Тип, очевидно, еще не знал нашего помещения, иначе он сам бы сразу направился, куда следует. Вместо этого он меня попросил повести его. Что ж, пожалуйте! Мы пошли в комнату секретаря У., который ушел домой спать, зажгли свет, пошли в помещение конторы, в экспедицию, искали, искали, шарили по всем углам, но от листовки не было и следа. Так прошло пятнадцать минут; наконец, мы попали в типографию. Там он стал расспрашивать рабочих, отвечавших ему пожатием плеч. Так он ничего и не добился. Я проводил дорогого гостя до входной двери и попрощался с ним. Вот он самый и сидел против меня, приглядываясь к нам со скрытым вниманием.

Узнал ли он меня? Я, правда, сбрил усы, грязноватые лапы положили на палку, чтобы иметь их на всякий случай свободными; мой приятель в кармане пальто направил на субъекта дуло браунинга. Мы заранее с ним условились, что в случае чего, он выстрелит, а я потяну за тормоз

¹⁾ Когда запрещают газету, полиция накладывает на машины пломбы и снимает их накануне того дня, с которого опять разрешено производить типографские работы.

а потом айда через поле. Ну-с, а пока мы сидели в вагоне и на сельском наречии вели ленивый разговор о свиньях и телятах, о ценах на скот, о городских лодырях, которые не знают настоящего деревенского труда, шляются по театрам и встают поздно. Долго прислушивался тип к нашей беседе; минуты нам казались часами. Наконец, у нас целый Монблан с плеч свалился — на следующей станции он медленно вышел, повидимому, ничего не заметив. Его счастье!

На рассвете подъезжали к Берлину. За две станции до города вышли из поезда, а утром рано в переполненном трамвае поехали туда вместе с рабочими, спешившими на заводы. В рабочих кварталах, окруженные единомышленниками, мы до поры до времени были вне опасности.

Прошло несколько месяцев. Мы снова принялись за нелегальную работу и обратили на себя лестное внимание политической полиции. Уж очень она понимала; почти ежедневно приходилось менять квартиру. Партию тем временем загнали в подполье; революционеров преследовали еще больше, чем прежде. Приходилось уезжать.

На этот раз надо было быть еще более осторожными. Мы прибегли к другому маскараду. В Германии существует очень распространенная организация так называемых «перелетных птиц», в которой участвует, главным образом, молодежь. Смысл их существования — путешествовать

преследователей; там хранились все списки, предписания об аресте, описания личных примет, а то и фотографические снимки. Уйти нельзя было: только навлечь на себя подозрение. Ну, авось, ничего не заметят!

Едва нам подали кофе, как открылась заветная дверь и к нам подошла личность. Она стала оглядывать меня, моего приятеля, оглядывала наш костюм, мою мандолину. Мы как-раз были заняты разговором о чудной красоте рейнского водопада. Мы обратились к подошедшему с вопросом, не здешний ли он и много ли здесь проезжает «перелетных птиц». Мы осведомлялись также, не сохранилось ли у местных крестьян старинных народных песен и стародавней одежды. Личность покачала головой с видом полного убеждения, что мы, верно, еще не оправились от какого-то мозгового сотрясения, и ушла по своим делам.

Наконец, мы благополучно прибыли в назначенный портовый город; теперь вопрос был в том, как нам благополучно попасть на судно. Интернациональной классовой солидарности организованных рабочих мы были обязаны даровым проездом. Познакомились с организатором корабельной ячейки, который прислал товарища за нашим бага-

по стране, преимущественно пешком чтобы ознакомиться с природой и бытом отдельных областей. Они это мотивируют желанием уйти из обстановки большого города и на лоне чистой природы отдохнуть от «политического болота». Они и в одежде отличаются от обыкновенных людей: любят таскать с собой мандолину или гитару, ходят без шапки и с открытой шеей, а то и в сандалиях на-босу ногу. Полиция эту публику совершенно справедливо считает вполне безобидной. Вот в костюме таких чудаков мы и поехали.

В городе Г. у нас была двухчасовая остановка. Чтобы не шататься зря по вокзалу, мы решили выпить чашку кофе. В Германии, как вагоны, так и помещения для публики строго разделены по классам; зал IV-го класса самый скверный. Мы вошли; в дверях рядом с контролером стоял долговязый жандарм. Тот нас не тронул, — этот сорт людей выдрессирован только на бродяг, нищих и т. п. Неведомая сила влекла нас в самый темный угол. Мы уселись, позвали кельнера, заказали кофе и оглянулись в помещении. Грязный пол, простые деревянные столы и скамьи, на которых по ночам можно было спать, мало пассажиров. Но вот — чорт возьми! — недалеко от нас дверь, а над ней большими буквами надпись: «Уголовная полиция». Угораздило же нас! Мы поместились у самого логова наших

жем и известил нас о месте стоянки парохода. Мы сняли одежду «перелетных птиц», отправились на пароход и пошли вниз к матросам, а вечером организатор нас устроил в трюме. В этот день он как раз участвовал в погрузке хлопка и оставил для нас укромное местечко. Благополучно уселись мы в трюме, окруженные со всех сторон большими кипами хлопка. Тут нас никто не мог найти, и мы спокойно ждали отплытия. Не тут-то было. За день множество людей входит на судно и сходит с него и никому не может броситься в глаза, если кто исчезает в трюме. Тем не менее, какой-то шпик подчитал, что с судна двое чужих не вернулось обратно. На другое утро явился патруль в шесть полицейских чинов и объявил капитану, что у него спряталось два беглеца. Капитан, конечно, был невинен как дитя. Они обыскали весь пароход, спустились в трюм, зажгли карманные фонари, осветили все углы, шныряли и шарили. Но напрасно! Над нами было навалено десять с лишком кип. Чтобы перебрать груз, понадобились бы технические приспособления и дневной труд нескольких рабочих. К такой мере начальник патруля, очевидно, боялся прибегнуть: в случае неуспеха, пришлось бы заплатить за работу и за простой судна, и он бы получил здоровенный нагоняй. Мы все время сидели тихо, как мыши, и не подавали ни звука. Они ругались, ругались, и ушли. Наконец, когда заскрипел якорь и заработал винт, свободно вздохнули. Мы вырвались из полицейских лап.

А. Блюме.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ЮМОР

В клетке одного Зоологического сада сидели рядышком две обезьяны, спокойно взиравшие через решетчатую загородку на толпу посетителей.

«Хотелось бы мне знать, о чем они думают?» — обратился я к их сторожу.

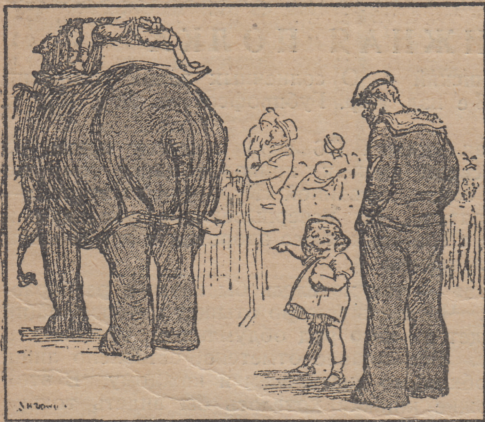
«Они думают, что очень разумно было отгородить их проволочной решеткой от этой массы народа» — ответил мне сторож.

О, мама! Как могло это животное достать похуже на твое пальто?

вынула затем из своей сумки зеркало и отдала его обезьяне, которая, действительно, была одним пустым тщеславием. Но на этот раз она подслушала, очевидно, весь разговор и, взяв зеркальце, вдребезги разбила его о стенку.

Я большой любитель всевозможных зоологических шуток и анекдотов, почему и попросил сторожа поделиться со мной своими самыми интересными наблюдениями.

О, взгляни папа! У слона такие же ноги, как у тебя.

спросила своего отца, действительно ли пользуются обезьянки носовыми платками, а когда отец ответил утвердительно, задала ему другой вопрос: «А кто говорит обезьянке, чтобы она высморкала свой нос — сторож или бог?»

«И какие смешотворные замечания приходится иногда слышать от посетителей. Вы знаете, что когда эти длиннохвостые обезьяны висят на деревьях, то публика начинает ужасно жалеть их. И сердобольные старушки особенно часто просят меня помочь той или иной обезьянке, «которая схвачена своим хвостом и не может спуститься».

«А кстати о хвостах. Здесь жила одна красивенькая белка, которая занималась тем, что забирала в рот свой хвост, заботливо несла его в свой ящик наверху клетки и осторожно клала его на порог. Потом она снова прыгала вниз и тут опять убеждалась с явным удивлением, что хвост все еще был с ней. Затем вся история повторялась в том же порядке.

Этот ответ убедил меня в том, что и в пределах Зоологического сада еще не установлено окончательно, кто кем забавляется.

«Вы не поверите, — продолжал сторож, — что некоторые из этих животных смеются над людьми так же часто, как люди смеются над ними. Только вчера, напр., подошла одна расфранченная дама и заявила своему спутнику: «Вот эта обезьянка — большая любительница смотреть на себя в зеркало». Она

Другой сторож познакомил меня со своим пленником, добродушным и весьма сообразительным орангутангом Мурфи. Когда он увидел нас, то разразился радостными криками и, обняв сторожа за шею своими лапами, принялась затем выделывать от радости чудовищные прыжки.

«Мурфи, — сообщил сторож — прирожденный актер. Он счастлив, когда видит у своей клетки густую толпу народа, и чем громче она смеется, тем более он счастлив. На днях

я слышал, как маленькая девочка заявила громким голосом: «Разве не похожа эта большая обезьяна на дядю Фреда?» — Тсс! Он услышит тебя! — резко оборвала ее мать. Я подумал, было, что она боялась обидеть Мурфи, но тут увидел, что за толпой стоял сам дядя Фред.

Сторож гиппопотама рассказал мне, что к нему подошел недавно маленький мальчик и спросил вполне серьезно: «Не повредит ли вашему гиппопотаму, если я дам ему кусочек шоколада?»

Мамочка, разве она не умненькая! Она думает, что она в трамвае.

Я был так доволен этим вопросом, что ответил малютке: «А вот мы посмотрим сначала, найдется ли у него свободное для шоколада местечко». Затем я подозревал гиппопотама — весом в четыре тонны — и попросил раскрыть свою пасть.

Пожалуйста, дайте мне покататься на пяточек.

Когда малыш увидел, как огромные челюсти раздвинулись больше, чем на целый метр, он был сначала поражен, а затем повернулся к своей няньке: «Послушайте! Разве это вежливо так зевать?»

Я вспоминаю еще один забавный случай. В сад пришел один деревенский житель, который впервые в своей жизни увидел жирафа. Он молча простоял некоторое время и потом заявил: «Дудки! Меня не проведешь. Я не верю в это животное!»

В связи с тем же жирафом сторож рассказал мне, как один посетитель, довольно подозрительного вида, долго любовался длинной шеей и косыми глазами животного и, наконец, обратился к своему спутнику с таким замечанием: «Послушай! Ведь из него вышел бы отличный партнер для игры в вист!».

КОМУ ДОСТАНУТСЯ ПОЕЗДКИ?

В начале октября месяца выяснится, кому достанутся поездки «Вокруг Света» на Урал, Кавказ, и в Крым.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ.

Книга А. Конан-Дойля заменена в наших приложениях двумя еще более занимательными книжками: А. Тиаден. Трест «Атлантида» и Ж. Тудуз. «Человек, укравший Гольфстрем».

«Бриг Мортон» задержался выходом по ряду технических причин.

О КОНКУРСЕ „СТОМАХИОН“.

Усердная просьба к нашим читателям, участникам конкурса, уведомить редакцию о желательных премиях. Только одна четвертая часть участников конкурса указала на те или иные премии, большинство же ограничились присылкой своих фигур.

Мало того, значительная часть приславших свои фигуры на конкурс, не приложила к ним необходимых надписей. Просьба эти надписи прислать в ближайшее время.

Срок конкурса, поэтому, продлен до 20 августа, чтобы в этот день читателями были высланы с мест своего жительства дополнительные сведения.

О РОЗЫГРЫШЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ГОДА

Наши подписчики на вторую половину года будут участвовать в розыгрыше двух премий (июльских и октябрьских), а также в двух конкурсах, одним из которых является ныне заканчивающийся «Стомахион».

В. В. Огурцову. Гимнастика в вашем возрасте может дать очень многое для физического развития.

Многим. Редакция уклоняется давать своим читателям справки и указания медицинского характера.

Группе преподавателей. В редакции подробного сообщения о «Венгерском Маугли» не имеется. Заметка взята из немецкого и английского журнала.

М. А. Егорову. Запросите «Автопромторг» (Лгр. Пр. Володарского 47).

А. М. Чецкому. За билетом на 2-ую Всесоюзную Авиационную лотерею обратитесь в ОСО-Авиоим в свой ближайший губернский или уездный город.

НАЗВАНИЕ ГОРОДА

Город, в котором живут оба приятеля, называется Рио де Жанейро. Слова «юг» и «север» в данном разговоре ясно указывают, что речь идет о городе, находящемся в южном полушарии. Еще точнее определяется его местоположение указанием на то, что 20 декабря солнце находилось в зените. Наконец, отыскиваемый портовый город должен находиться на восточном берегу Америки, ибо только в этом случае могло солнце подниматься над Атлантикой. Словом, все данные говорят о Рио де Жанейро.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Д. М. Городинский — О солнечных ваннах, морских купаниях и пр., 3-е изд. Лгр. Губпрофсовета. Лгр. 1927 г. Цена 30 коп.

Эта небольшая книжка (76 стр.) является одним из выпусков целой серии книжек, принадлежащих тому же автору. Цель этой серии, названной «Курортный Спутник» — дать читателю краткие, но исчерпывающие указания и советы, связанные с состоянием его здоровья и намеченным им отдыхом или лечением.

«Умная книжка» — так хотелось бы назвать разбираемый нами выпуск. Читатель быстро отыщет интересующий его вопрос и найдет на него ряд обдуманных, толковых и понятных ответов. Все лишнее отмечено, оставлено лишь основное, что необходимо знать всем и каждому. В этой изящной по обложке книжке хотелось бы видеть только более отчетливые клише, помещенными не впереди текста, а в нем самом. А иначе рисунки пропадают.

В. Д.

О ВТОРОМ РОЗЫГРЫШЕ ПРЕМИЙ.

Всем подписчикам, участвующим во втором (июльском) розыгрыше наших премий, билеты высланы с № 13.

Одновременно повторный номер (контрольный) указан на обложке журнала. Следовательно, злоупотребления с билетами теперь не возможны.

Кто не получит № 13, пусть немедленно обращается по месту своей подписки с надлежащим заявлением.

Премии будут разыграны в воскресенье, 31-го июля.

Оставлено несколько билетов для новых подписчиков и тех, кто не получил № 13.

РАСПРОДАЖА КНИГ

Книжн. маг. А. С. С. ЕПАНОВА
Ленинград, г. Володарского, № 31.
(Выдержки из нашего каталога).

СПОРТ—ОХОТА.

ЗАРОВНЯЕВ. Спутник рыболова любителя 50 к. **БЕРГ.** Рыбы пресных вод 2 р. **СЕЛИВАНОВ.** Плетение рыболовных сетей 60 к. **ПЕТРОВ.** Рыбная ловля всех видов во все времена года 1 р. 25 к. Как самому сделать байдарку 35 к. Ружье начинающего охотника 45 к. **РОХМАНОВ** и **КАРЦЕЛЛИ.** Спутник трудового охотника 1 р. **ТЕВЯШЕВ.** Будь метким стрелком 15 к. **МЮЛЛЕР.** Моя система 60 к. **БАКАЛЕЙНИКОВ.** Путь к здоровью и силе 50 к.

ПУТЕШЕСТВИЕ И ДРУГИЕ.

МИККЕЛЬСЕН. По следам жертв ледяной пустыни 1 р. 25 к. **ОВЕН-ГЕДИН.** Путешествие по Азии 1 р. 25 к. **МАККГОВАН.** Китайцы у себя дома 1 р. **РАЗИН.** Приключение Александра Селькирка на необитаемом острове 75 к. **ГОЛЬДИНГ.** Остров убежища. Приключение юных путешественников на Флоридском берегу 2 р. **ВОРИСТОФЕР.** Корабль натуралист 2 р. 50 к. **СВИРСКИЙ.** Рыжик. Приключение бродяги 1 р. 25 к. **КУПЕР, Ф.** Следопыт 1 р. Зверобой 1 р. **Ж. ВЕРН.** Вокруг света в восемьдесят дней 2 р. Его же. Все вверх дном. Необыкновенное путешествие 2 руб. Путешествие вокруг луны 2 р. Приключения трех русских и трех англичан 2 р. Приключение Капитана Гаттераса 1 р. 60 к. **ВИТКОВСКАЯ.** Кругом земли 3 р. **ГЕРШТЕКЕР.** Вселенная 3 р. **ДЕФО, Д.** Робинзон Крузо 2 р. **АМУНДСЕН** и **ЭЛЬСВОРТ.** Перелет через ледовитый океан 2 р. 50 к. **БОБИН.** По Южной Америке 1 р. **МАРКОВ.** Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории 5 р. То же очерки Крыма 5 р. **ПУТЕВОДИТЕЛЬ по МОСКВЕ** и ее художественным и просветительным учреждениям 17 г. 2 р. **УМНОВ.** Наблюдения юного натуралиста 1 р. **ИГНАТЬЕВ.** Определитель весенних растений 75 к.

СИМОНОВ, Л. Н. Главнейшие съедобные и вредные грибы с 50 рис. в красках, писанных с натуры. Е. Бем. Ботаническая часть редактирована А. Н. Бекетовым 1 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по ЛЕНИНГРАДУ с новым планом г. Ленинграда 65 к.

РАЗНЫЕ.

ПЕРЕЛЬМАН. Занимательная физика, парадоксы, головоломки, задачи, опыты записанные вопросы и рассказы из области физики 2 тома 345 стр. 295 рис. 2 р.

ФОТОГРАФИИ.

ЕВЛОКИМОВ. Экспозиция и проявление. Как получить хороший негатив 80 к. Фотоувеличение 65 к. Фоторетушь 50 к. **ФОГЕЛЬ.** Карманный справочник по фотографии 1 р. 75 к. **ЛАУБЕРТ.** Фотографические рецепты 1 р. 60 к.

Вышла из печати книжка **ФЕНТЕКЛЮЗА.** Ветро-двигатели для мельниц, водокачек, станков и электростанций. 176 стр. с 124-мя рисунками 2 р. 50 к.

Цены без пересылки. Стоимость пересылки одной книги—30 к., двух—32 к., трех—35 к. и т. д.

ТРЕБУЙТЕ каталог № 6. ВЫСЫЛАЮ БЕСПЛАТНО.

1000 Слов английских

2-ое исправленное и дополненное издание.

Настоящий самоучитель построен на основах живой английской речи, которая по своей легкой форме и занятному содержанию дает возможность каждому пройти весь курс в 6 месяцев и тем самым подготовить себя также к чтению английской книги или газеты.

2 р. 50 к.

ЦЕНА ВСЕЙ КНИГИ ИЗ 15 ВЫПУСКОВ

2 р. 50 к.

Заказы направлять: Ленинград, Фонтанка, 57. „Красная Газета“.

В СЕНТЯБРЕ 1927 г.
НАЧНЕТ ВЫХОДИТЬ

THE RED NEWSPAPER

1000 Слов английских

Это издание является естественным продолжением для тех, кто уже усвоил „1000 слов английских“.

НОВЫЕ ПОСОБИЯ:

В. ДИНЗЕ. «Английский язык на дому». Ч. 1. Ц. 1 р. 50 к. (с перес.).
ОН-ЖЕ. Начальные основы английского произношения Ц. 40 к.

БЕРМАН. Вы говорите по-английски? Вып. I и II. Цена выпуска 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Лгр., Пр. Володарского, 40. Изд-го „Академия“

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ФАНТАЗИЯ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ПРИКЛЮЧЕНИЕ

1. Конан-Дойль. Шерлок Холмс Ц. 1 р. 15 к.
2. Хаггард. Кони царя Соломона Ц. 1 р. 50 к.
3. Хаггард. Дитя Бури. Ц. 1 р. 60 к.
4. Хаггард. Бенита. Ц. 1 р.
5. Рони-Старший. Удивительные путешествия. Гертона Айронкестеля. Ц. 1 р. 20 к.
6. Бридж. Человек ниоткуда. Ц. 1 р. 50 к.

Похождение двойника. Ц. 1 р. 50 к.

7. Ганс Доминик. Лучи смерти. Роман 1955 г. Ц. 1 р. 20 к.

8. На суше и на море. — Сборник путешествий и приключений. Ц. 1 р.
9. Клемент. Под дном морским Ц. 1 р. 25 к.
10. Руккет. Ураган. Ц. 1 р.

Высылает налож. платежом без задатка

Книжный магазин „ТРУД“

Москва, центр. Моховая, 15/Ж.

При заказе свыше 3-х руб. пересылка бесплатно

„ДЕПИЛАТОРИЙ W. M.“

порошек для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела.

Банка 2 р. 50 к. и 1 р. 25 к.

РОССЕТЕРСКИЙ восстановитель поседевших волос, уничтожает перхоть и предохраняет от выпадения волос. 2 руб.

Продажа в аптеках, универмагах и магазинах санитарии и гигиены. Высылается только по получении задатка.

К оперативн. Говарищество

„ЭЛЕМ“ МОСКВА, М. Дмитровка, 17.

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Конан-Дойль. Шерлок Холмс. Рассказы: Мест. Знак четырех. 1 р. 15 к.
Мухомов. Плавающие бездны. Иллюстр. фантаст. роман 1 р.
Добинаш. Крестом и мечом. Путешествие, 3 тома, и приключен. Ричарда Львиное сердце 1 р.
Мюллер. Пират королевы Елизаветы. Прикл. капит. Дрэкса, с рис. 70 г.
Егоров. В погоне за золотом. Книга захватыв. интереса. 1 р. 20 к.
Кап. Лукин. Зов моря. Пиратство на морях и шхуне. 1 р. 70 к.
Каду. Атлантида под водой. Роман приключений. 2 р.
Клемент. Под дном морским. Фантастический роман 1 р. 25 к.
Каринцев. Тайна двух материков. Цикл в Африке и Азии 1 р. 50 к.
Рони. Удивительное путешествие Гертона Айронкестеля. Бобаго иллюстрир. ван. 1 р. 20 к.

А та же любую книгу
ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

высылает налож. платежом без задатка

Коопер. Т во „Сотрудник Провинции“
Москва, 9 ул. Огарева № 3.

ФОКУСЫ И НОВЫЕ ИЗВЛЕЧЕНИЯ в клубной работе. А. Маслов. Ц. 85 к.

ГОЛОВОЛОМКА. — Игра для всех возрастов. Ц. 75 к.

МАССОВЫЕ НАРОДНЫЕ ТАНЦЫ. Анна Зеленко. — Музыкальная обработка народных мелодий М. Лазарева. Ц. 90 к.

Высылает налож. платежом без задатка

Книжный магазин „ТРУД“

Москва, центр. Моховая, 15/Ж.

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устаревшим методам. Наилучшим признанием новейший метод МЕРТНЕРА, избавляющий от необходимости тучаучивания с оз и правил. Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 р. 8 к.

Москва, улица Герцена, д. 9/17.

„Русско-Иностранная Книга“

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС

ОБРАЗЧИКИ ЛЮДСКИХ ФИГУРОК

Мы предлагаем нашим читателям вплотную заняться уже известной им игрой в „СТОМАХИОН“, чтобы принять участие в нашем втором конкурсе на тему:

ЛУЧШАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФИГУРА

Образчики прилагаются.

КАКИЕ ЖЕ ПРЕМИИ?

Редакция просит самих участников этого второго конкурса наметить желательные премии, исходя из всех цен вещей, которые были объявлены для нашего первого конкурса.

Фамилии выигравших премии, а также шести следующих лиц, составивших лучшие человеческие фигуры, будут напечатаны в журнале вместе с их решениями.

1-го августа последний срок отсылки фигурок с мест своего жительства.

Ленинград, Фонтанка, 57. Редакция „ВОКРУГ СВЕТА“

